

Убемм Уламу

СПИСАН СО СЧЕТОВ

Иветт Шати

Списан со счетов

«Автор»

2026

Шати И.

Списан со счетов / И. Шати — «Автор», 2026

Максимилиан Халгрейм знает, как умрёт. Год назад он вспомнил прошлую жизнь — и понял, что живёт в книге, которую не дочитал. Книге, где он — персонаж заднего плана, убитый собственным отцом в первых главах. Смерть обставят как самоубийство, а расследовать её приедет лучшая ищейка империи — графиня Иветт Равилофт. У него месяц. Месяц, чтобы стать достаточно заметным, чтобы убить его было нельзя. Месяц, чтобы выжить. Он не знает конца истории — и это единственное, что может его спасти.

© Шати И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	53
Глава 11	56
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Иветт Шати

Списан со счетов

Глава 1

Ночь пахла мокрым камнем, порохом и дымом. Дождь то стихал, то снова принимался сеять мелкую, злую морось, и в свете одинокого фонаря лужи казались чёрными зеркалами.

Беггерт стоял, привалившись плечом к стене, и растирал ушибленную руку. Его мундир подпоручика полиции был расстёгнут, фуражка съехала на затылок, а на лице застыла смесь досады и весёлого отчаяния.

Максимилиан вытирал руки платком. Кровь была не его.

— Вы бессовестны, герцог Халгрейм, — с усмешкой проговорил Беггерт, покосившись на обездвиженного преступника в ногах Максимилиана. — Снова увели у меня дело из-под носа, став героем.

Максимилиан аккуратно сложил платок и убрал его в карман.

— Позвольте, дорогой друг, я лишь слегка решил вам помочь. Вовсе не увести дело. И перестаньте звать меня герцогом. Я отрёкся от рода, так что не имеет никакого смысла передо мной лебезить.

— Максимилиан Халгрейм, — Беггерт покачал головой. — Вот уж чего я не понимаю, так это почему вы сразу не встали на руководящую должность, как вам и полагалось, а носитесь со мной наравне по таким мелким поручениям. Стоит ли эта игра свеч?

Максимилиан посмотрел на него внимательно, без улыбки. В свете фонаря его лицо казалось сухим и спокойным — слишком спокойным для человека, который только что задержал опасного преступника.

— Беггерт, Беггерт, — тихо сказал он. — Вы, видимо, плохо знаете своего товарища по оружию, раз рассуждаете только из таких мыслей. К тому же всё-таки здесь мы не дурака валяем ради выплат.

— Но повысят-то вас за сегодняшнее дело, не так ли? — Беггерт хмыкнул. — Ха-ха. Вы более бессовестны, чем я полагал. Завидую вам белой завистью. А точнее — вашим способностям. Не зря вы так быстро расправляетесь с работой.

Он кивнул в сторону преступника — того самого серийного нападавшего, которого выслеживал уже месяц. Тот лежал лицом вниз, связанный, и только хрипло дышал, приходя в себя после удара.

— Но на этом позвольте пожелать: после перевода в другую часть не забывайте меня, мой товарищ. А я откланяюсь.

Он засмеялся, поправил фуражку и шагнул в темноту переулка.

— Постойте, — Максимилиан нахмурился. — О каком переводе?

Беггерт обернулся. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — довольная искра.

— А вы разве не знаете? Приказ уже в канцелярии. Мне сказал писарь. Вас переводят. — Он развёл руками. — Так что, герцог... простите, Максимилиан. Похоже, сегодня мы прощаемся. Этого доведёте до нужного пункта? Раз уж решили вмешаться в моё дело?

Он исчез в переулке. Шаги его ещё некоторое время звучали по мокрым камням, а потом стихли.

— Ну пошли, теперь тебе светит радушный приём в нашем участке, — сказал Максимилиан.

Молодой и уже известный полицейский, добившийся невообразимых успехов и поднявшийся по карьерной лестнице за кратчайший срок, он поднял преступника за шиворот и повёл

в нужном направлении. Люди за полгода его службы прозвали его адской ищейкой: хоть он и был юнцом, он был хитёр и умел докопаться до сути, даже если это казалось невозможным. Как говорится, если вцепится — не отпустит.

Преступник оказался тяжелее, чем выглядел. Он обмяк, но не сдался: ноги волочились по мокрым камням, голова моталась, а изо рта вырывалось глухое, злое бормотание. Максимилиан не обращал на это внимания. Он шёл ровно, держа задержанного так, чтобы тот не мог ни вырваться, ни упасть. Дождь прибавлял пыль к мостовой, фонари горели через один, и город казался вымершим — только где-то за углом перекликались ночные сторожа да изредка проезжала запоздалая пролётка.

Участок стоял на углу Чугунной и Темницкой. Низкое каменное здание с облупившейся краской, с двумя фонарями у входа и вечно перекошенной дверью. Внутри пахло сыростью, махоркой и старыми бумагами. За стойкой дремал дежурный урядник Сильбастер — широкоплечий мужик с седым усом и лицом человека, который давно перестал удивляться чему-либо.

Он поднял голову, когда дверь звякнула.

— Опять вы, ваше благородие? — Сильбастер зевнул, перекрестил рот. — И кого это вы притащили?

— Того самого, — коротко ответил Максимилиан. — Ночной нападавший. Тот, что месяц пугал женщин на Прядильной.

Сильбастер мигом проснулся. Поднялся, выглянул из-за стойки, присвистнул.

— Тот, которого Беггерт ловил?

— Он самый.

— Так это же дело Беггерта...

— Уже нет, — Максимилиан усадил задержанного на скамью у стены. — Вернее, теперь оно наше общее. Беггерт в курсе.

Пленник вскинул голову. Лицо у него было разбито, один глаз заплыл, но в другом горела злоба.

— Вы пожалеете, — прошипел он. — У меня есть покровители. Вы не знаете, с кем связываетесь.

Максимилиан посмотрел на него спокойно, без тени интереса.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому и связался.

Сильбастер хмыкнул и пошёл будить пристава.

Пристав участка, Кардиан Гарджиас, вышел в коридор заспанный, в накинутом на плечи сюртуке, с трубкой в зубах. Увидев Максимилиана и задержанного, он вздохнул так тяжело, словно ему принесли не преступника, а ещё одну гору бумаг.

— Халгрейм, — проворчал он. — Вы почему не спите по ночам, как все нормальные люди?

— Служба, — ответил Максимилиан.

— Служба у всех. Но не все ловят серийных душегубов вместо того, чтобы дать это сделать другим.

— Он мог уйти. Я не мог позволить.

Пристав подошёл ближе, посмотрел на Максимилиана. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, но он тут же спрятал его за ворчанием.

— Ладно. Оформим. Только в рапорте я напишу, что задержан совместно с подпоручиком Беггертом. Нечего чужую работу себе приписывать.

— Согласен, — кивнул Максимилиан.

— А вы, я смотрю, не рвётесь в начальство. Станный вы человек, Халгрейм. Молодой, способный, с именем... а служите так, будто вам здесь мёдом намазано. В любом случае завтра вас переведут. Хотел сообщить с утра, но вы вновь отчуждили.

Максимилиан не ответил. Он снял промокшую фуражку, провёл рукой по белым волосам и посмотрел в окно. За стеклом серел рассвет. Дождь почти стих, только редкие капли стучали по жестяному карнизу.

— Ступайте домой, — Гарджиас устало потёр переносицу, глядя уже не на подчинённого, а куда-то в сторону. — Вы поедете в столицу, а значит, вам лучше попрощаться с семьёй перед отъездом.

— Благодарю вас.

Максимилиан откланялся и покинул участок. Дождь закончился, оставив лишь свежесть в воздухе. Мужчина выдохнул.

— Домой... значит? Надо бы повидать сестру...

Около года назад Максимилиан вспомнил свою прошлую жизнь.

Тогда он был неприметным и болезненным подростком. Лёжа в больнице, он читал всё, что попадало под руку, — не имея возможности ходить, он жил чужими историями. Но одна книга оказалась не просто историей. Она оказалась его будущей жизнью.

Судьба — интересная штука.

Сейчас он мог ходить. Был здоров и силен. Красавец и завидный жених, выходец из известного рода, молодая легенда газет — статьи о нём заставляли трепетать сердца молодых дам. Голубые глаза и пепельно-белые волосы, высокий рост — внешность ангела. Ему было двадцать три, а не пятнадцать, как в той жизни. Но книгу... он тогда не дочитал. Не успел. Поэтому знал лишь первые главы и аннотацию.

Он был персонажем заднего плана, умершим в первых главах. От рук собственного отца — точнее, из-за него. Отец свалил все свои незаконные деяния на единственного сына, а когда понял, что сын может заговорить, подослал наёмников. Смерть обставили как самоубийство — будто бы Максимилиан не выдержал тяжести грехов и сам оборвал свою жизнь. Всё же автору нужно было убрать персонажа, чтобы завязать сюжет. А после молодая девушка графиня Иветт Айлиз ван Равилофт — главная героиня — расследует это дело и врывается в главные события: интриги, секреты и заговоры.

Прознав истину, парень отрёкся от титула и имени рода. Он решил своими силами добиться поимки отца до того, как умрёт. А желательно — и вовсе избежать смерти. Сейчас он здоров, его жизнь впереди, и он ни за что не хотел упустить этот шанс. С того времени он вступил на службу.

Но почему он пошёл именно этим путём? Почему не обратился в суд, не рассказал правду, не использовал связи рода?

Ответ был прост и жесток.

Во-первых, у него не было доказательств. В той жизни он умер слишком рано — до того, как успел собрать хоть что-то. Он знал правду, но знание без бумаг и свидетелей ничего не стоило. В этом мире слово дворянина против слова дворянина решало не правота, а вес рода и связи. А его отец, герцог Эмилиано де Розенетт Халгрейм, был не просто дворянином. Он был одним из тех, кто вершил судьбы за кулисами трона.

Во-вторых, отец был слишком могущественен. Он не просто имел деньги и титул — он имел людей. В канцеляриях, в судах, в полиции. Если бы Максимилиан открыто бросил ему обвинение, он бы не дожидая суда. Его бы убили тихо, как убили в книге, и снова обставили бы всё как несчастный случай или самоубийство. Отец умел замечать следы. Он делал это годами.

В-третьих, он не мог убить отца. Не потому, что жалел. А потому, что это ничего бы не изменило. Смерть герцога Халгрейма вызвала бы громкий скандал, расследование, которое непременно вышло бы на сына-преступника. Его бы обвинили в отцеубийстве в борьбе за наследование титула. И тогда он потерял бы всё: имя, свободу, жизнь, мать и сестра остались без дома и покровительства. А главное — правда так и осталась бы погребённой. Отец умер бы как уважаемый человек, а сын — как убийца.

Значит, нужен был другой путь.

Ему нужна была сила, которая не зависит от рода. Сила, которую нельзя отнять приказом или интригой. Сила, которая позволит ему копать под отца открыто — и при этом оставаться неуязвимым.

Такой силой был закон. Но не тот закон, что продаётся за деньги, а тот, что держится на репутации, чине и людях, которые тебе верят. Ему нужна была служба. Полиция. Место, где он мог начать с нуля, заработать имя, обзавестись связями, собрать доказательства — и однажды предъявить их отцу в лицо. Не как сын, которого можно убить, а как офицер, которого нельзя тронуть без последствий. Он пошёл в полицию не ради славы и не ради денег. Он пошёл туда, потому что это был единственный путь, на котором он мог выжить, оставаясь собой. Путь, где он мог стать достаточно сильным, чтобы не бояться. Достаточно заметным, чтобы его смерть вызвала вопросы. Достаточно честным, чтобы однажды его слово перевесило слово отца. Он не хотел быть героем. Он хотел быть живым. И сейчас его ждал новый этап — столица.

На дворе стоял сентябрь. Остался месяц до той самой даты, с которой начался сюжет книги.

Максимилиан остановился посреди пустой улицы. Ветер гнал по мостовой мокрые листья, где-то далеко прогремела запоздалая телега, и снова стало тихо. Он стоял и смотрел в серое, предрассветное небо, чувствуя, как в груди поднимается что-то холодное и тяжёлое.

— Месяц, да? — тихо сказал он себе. — Если я переживу его, то она не явится сюда для расследования?

Он выдохнул. Долго, медленно, глядя, как пар изо рта тает в холодном воздухе.

— Может, оно и к лучшему. Не хочу я видеть, как такое хрупкое создание подвергает себя смерти раз за разом.

В начале октября. Именно через месяц. В книге в этом городе его нашли бы мёртвым. Наёмники отца сделали бы свою работу тихо и чисто. Ни следов, ни свидетелей, ни вопросов. Однако это дело попало бы к ней.

Графиня Иветт Айлиз ван Равилофт.

Единственная, кто не закрыл бы глаз на произошедшее.

Он знал о ней больше, чем следовало. Парень как раз дочитал книгу до её появления. Девушка была на обложке — хрупкий цветок, сильнейшее оружие империи. За счёт ума она была известна уже в восемнадцать лет. Золотые волосы, изящность лебедя — вот что о ней говорили. Но что странно: такую именитую личность, которой доверяют сложнейшие запутанные задания во всей империи, отправили расследовать его дело. Дело о самоубийстве. Обычный для полиции случай, закрытый спустя три дня.

Аннотация на обороте книги до сих пор стояла перед глазами — короткая, цепкая, как крючок:

«Однажды тёмной ночью отец погубил своего сына. Бесстрашная графиня врывается и расследует дело, обнаруживая... А что обнаруживая? Секреты великого города. Сможет ли она остаться в живых или...»

Максимилиан помнил, как тогда, в больничной палате, эта строчка его зацепила. Он лежал и думал: ну кто так пишет аннотации? Что за «или...»? Куда обрывается фраза? Но именно это «или...» и заставило его открыть первую страницу. Максимилиан закусил губу и нахмурился, продолжая идти.

— Может, я что-то упустил? — пробормотал он себе под нос. — Что же произошло дальше в той книге? Сколько ни думаю — не сходится. Либо автору нужен был поворот для сюжета, и он не продумал, либо есть причина, по которой она заинтересовалась этим делом. Либо, зная связи отца... это дело куда глубже, чем я предполагал. Но тогда ей бы просто не позволили расследовать. Так?

Он остановился, поёжился от холода и снова пошёл. Мысли путались. Одно он знал точно: в книге она взялась за его дело не случайно. Графиня ван Равилофт не бралась за пустые дела. Если она приехала в этот город, значит, за его смертью стояло нечто большее, чем просто отец, заматающий следы. «Секреты великого города», — вспомнил он строчку из аннотации. Тогда, в прошлой жизни, это звучало как красивая фраза. Теперь он знал: за ней стояли реальные люди. Реальные тайны. Реальная кровь.

Но в чём был её интерес? Что она искала? Ответа у него не было. Книга обрывалась на первых главах её расследования — дальше он не успел прочитать. И это бесило больше всего. Он знал начало, знал свою смерть, знал, кто за ней стоит, — но не знал, чем всё закончилось. Может быть, она раскрыла правду. Может быть, погибла сама. Может быть, отец добрался и до неё.

— Бессмыслица, — выдохнул парень. — Этого уже не должно произойти.

Но чувство беспокойства не уходило. Оно сидело где-то под рёбрами, холодное и острое, как заноза.

Он уезжал. Столица — далеко. Настолько далеко, что отец при всём желании его не достанет. По крайней мере, не сразу.

Значит, время было. Он подошёл к дому, отпер дверь и вошёл. В комнате было темно и тихо. Пахло пылью и старыми книгами.

За окном светало. Город просыпался. А Максимилиан так и не сомкнул глаз этой ночью. Он лежал на кровати, глядя в потолок, пока за окном чернота медленно сменялась серой хмарью рассвета. В голове крутились обрывки мыслей. Он изменил сюжет? Возможно. Но что это значило для книги? Для всего, что должно было случиться после его смерти? Максимилиан не знал. Но впервые за год он почувствовал, что держит свою жизнь в собственных руках. В книге он был другим. Слабым. Преданным. Глупым мальчишкой, который из кожи вон лез, чтобы заслужить хоть каплю отцовского внимания. Он бегал по поручениям, подписывал бумаги, не читая, закрывал глаза на грязные дела, лишь бы отец похлопал его по плечу. Лишь бы сказал: «Молодец, сын». Он был лёгкой мишенью — потому что сам подставлял шею. Потому что верил. Потому что любил отца, который никогда его не любил.

Но сейчас всё было иначе.

Он знал, что отец не простит. Не потому, что любил, а потому, что не терпел неповиновения. Он привык, что сын — его инструмент, его мальчик на побегушках. А теперь этот мальчик вырос, вырвался и стал угрозой. Отец не мог этого оставить. Рано или поздно он попытается достать сына. Но не сейчас. Сейчас у молодого человека было алиби — служба, постоянное нахождение в участке или на работе с напарниками. Отцу будет сложнее перевести стрелки на него. Тем более убить. Слишком много свидетелей. Слишком заметная фигура. Адская ищейка, молодая легенда газет — не тот человек, которого можно тихо убрать без последствий. Отцу будет сложнее перевести стрелки. Тем более подобраться.

Когда первые лучи солнца тронули край неба, он поднялся. Тело затекло, в горле пересохло, но он не стал задерживаться. Собрал вещи быстро, привычно — за год службы он научился складывать жизнь в один дорожный сундук. Мундир, сменная рубаша, бумаги, немного денег, старая книга без обложки, которую он так и не решился выбросить. Всё.

Он застегнул ремни, поставил сундук у двери и выпрямился. В комнате было тихо. Только часы на стене — старые, с облупившейся позолотой — мерно отбивали секунды. Максимилиан посмотрел на них, и в голове всплыли слова пристава.

«Ступайте домой. Вы поедете в столицу, а значит, вам лучше попрощаться с семьёй перед отъездом».

— Стоит, пожалуй, увидеть сестру, — проговорил он в пустоту.

Но тут же взгляд упал на часы. Стрелки неумолимо приближались к семи. Поезд уходил в девять. Поместье отца в трёх часах езды. Даже если бы он выехал прямо сейчас, даже если бы лошади летели как ветер, он бы не успел. Физически. Никак.

— Ну и почему в этой книге нет магии? — выдохнул он, и в голосе мелькнула детская, совершенно неуместная досада. — Сейчас бы за секунду оказался дома. Ну может.. Бимба-лабам бала.. бум? Хаха.. — лёгкий смех. — Стоило же попробовать? Надо было читать другие книжки.

Он сам усмехнулся своей глупости. Его детская натура всё же не исчезла с возрастом. Не зря говорят, что мужчины взрослеют только к сорока — да и то не всегда. Внутри него всё ещё сидел тот пятнадцатилетний мальчишка, который лежал в больничной палате и мечтал о приключениях. Только теперь приключения были не в книгах, а в жизни. И они были куда опаснее.

Максимилиан покачал головой, отгоняя ненужные мысли. Взял сундук, вышел в коридор и постучал в дверь напротив.

— Марта?

За дверью послышалась возня, тихий шёпот, потом скрип половиц. Дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина в тёплой шали, накинутой поверх ночной рубахи. Седые волосы, собранные в небрежный пучок, добрые глаза, испещрённое морщинами лицо. Нянечка Марта — единственная прислуга, последовавшая за ним в его новый дом. Она служила ещё при матери, вынянчила его с младенчества и осталась верна ему даже тогда, когда он отрёкся от рода. Её муж, старик Густав, выглядел из-за её плеча — сухой, сторбленный, но с живыми, смыслёнными глазами.

— Ваша милость? — Марта всплеснула руками. — Вы уже встали? А я думала, вы спите...

— Не спал, — коротко ответил Максимилиан. — Уезжаю. Поезд через два часа.

Марта охнула, прижала руки к груди. Густав вышел вперёд, опираясь на палку.

— Куда вы направляетесь? — спросил он хрипло.

— В столицу. — Максимилиан поставил сундук у порога и вытащил из кармана сложенный лист бумаги. — Густав, я оставляю тебе поручение. Оставшийся багаж отправишь вслед за мной. Вот адрес. Как только всё уладишь — приезжайте с Мартой. Я вас жду. Меня перевели по службе.

Старик взял бумагу, кивнул, не задавая лишних вопросов. Он давно привык к поручениям молодого господина — письма, посылки, мелкие дела. Но в этот раз всё было серьёзнее. Максимилиан видел это по его лицу. Густав понимал, что это не просто отъезд. Это начало чего-то нового.

— А как же молодая госпожа Канна? — тихо спросила Марта. — Вы её не повидаете?

Максимилиан замер. Сестра. Канна. Он не видел её год — с тех пор, как отрёкся от рода и ушёл из поместья. Она писала ему письма, короткие, тёплые, но он не отвечал. Не мог. Слишком больно было помнить, что он бросил её там. С отцом. В доме, который стал для него тюрьмой.

— Не успею, — сказал он наконец. — Передайте ей... — он замолчал, подбирая слова. Что передать? Что он жив? Что он вернётся? Что он сделает всё, чтобы вытащить её оттуда? Всё это звучало слишком громко и слишком пусто. — Передайте, что я напишу. Как устроюсь.

Марта посмотрела на него долгим, понимающим взглядом. Она знала больше, чем говорила. Она всегда знала. Но она никогда не лезла не в своё дело. Просто кивнула.

— Храни вас бог, ваша милость.

Максимилиан подхватил сундук, шагнул к двери, но на пороге обернулся.

— Как закончите с делами, я вас жду у себя. Адрес вы знаете.

Он вышел на улицу. Утро было холодным и ясным. Небо очистилось от туч, и над городом вставало бледное сентябрьское солнце. Максимилиан вдохнул полной грудью, поправил воротник шинели и зашагал в сторону вокзала.

Поезд ждал. Столица ждала. И где-то там, впереди, ждала она — графиня Иветт Айлиз ван Равилофт. Девушка, которая должна была расследовать его дело. Но дела не было. По крайней мере, пока. У него был целый месяц. Время, которое он не собирался тратить впустую.

Глава 2

Погрузившись в своё купе, Максимилиан устроился у окна и развернул газету. Старое хобби не отнять — даже здесь, в дороге, руки сами тянулись к печатному слову. Пусть это была всего лишь газетка, забытая кем-то на скамье у входа, но он читал её с тем же вниманием, с каким когда-то, в прошлой жизни, глотал книги. Слова успокаивали. Слова давали опору.

Дорога до столицы занимала три дня. Поезд шёл из глубинки — из деревушки Тичэртон, затерянной среди холмов и болот, — и тянулся через половину империи. Глоербург, родной город Максимилиана, был одной из первых крупных станций на этом пути. Здесь он и сел. Поезд вздрогнул, дёрнулся и медленно пополз прочь. За окном поплыли мокрые поля, редкие перелески, серые деревни с покосившимися крышами. Дождь стучал по стеклу, смывая пейзаж в размытые пятна.

Столица называлась Диувэйл. Город, куда он теперь держал путь.

Максимилиан откинулся на жёсткую спинку сиденья и прикрыл глаза. Газета лежала на коленях, но он её уже не читал. В голове всплыло старое воспоминание — детское, тёплое, пахнущее кухней и хлебом.

Он сидел на табурете у печи, а Марта месила тесто. Её руки, покрытые мукой, двигались уверенно и мягко, и голос звучал так же мягко — низкий, певучий. Она рассказывала ему сказку. Одну из тех, что рассказывают детям перед сном. О создании их государства.

Максимилиан помнил её почти слово в слово.

Более тысячи лет назад родился человек с нечеловечьей силой. Он не знал жалости, не знал страха, не знал усталости. Он захватывал земли, сжигал города, подчинял племена и народы. Он желал власти — всей, до последней песчинки. Его боялись, ему поклонялись, его проклинали. Но ничто не могло его остановить.

А потом случилось то, чего не ожидал никто.

Пробудился маг — посланник божий, свет среди тьмы. Он вышел против злодея и погубил его. А затем сам стал новым правителем. Фиад Диувэйл — так его звали. Он основал империю, дал ей законы, установил порядок. И с тех пор императорский род сменялся лишь среди чистокровных родственников — кровь Фиада текла в жилах каждого правителя.

Максимилиан усмехнулся, не открывая глаз.

В мире, где нет магии. В мире, где происходит техническая революция — паровозы, телеграфы, газеты, фабрики. В мире, где каждый день кто-то изобретает что-то новое, где учёные спорят о природе электричества, где старые верования уступают место расчёту и опыту. И всё же здесь, в этом мире, до сих пор рассказывают байки о магах.

Люди — мечтатели. В любом мире. Даже когда они строят машины и прокладывают рельсы, они всё равно оглядываются в прошлое и ищут там чудо. Может быть, потому что без чуда страшно. Может быть, потому что хочется верить, что где-то есть сила, которая больше тебя. Что кто-то — бог, маг, судьба — всё-таки следит за этим миром и не даёт ему провалиться в хаос.

Он открыл глаза и посмотрел в окно. За стеклом тянулись бесконечные поля, серые под низким небом. Где-то там, далеко на востоке, был Диувэйл. Столица. Город, где вершились судьбы империи.

И куда он, Максимилиан, возвращался спустя много лет.

Последний раз он был в Диувэйле ребёнком. Тогда ему было десять. Отец взял его с собой — впервые и, как оказалось, в последний раз. Причина была торжественная: коронация нового императора.

Экберт Александрос ван Энкас Блойме.

Максимилиан помнил тот день смутно, урывками — так, как помнят дети: яркими пятнами, запахами, звуками. Огромный дворец с золотыми шпилями, уходящими в небо. Толпы людей на площадях — не сосчитать. Музыка, от которой дрожал воздух. Знамена с гербом империи — чёрный орёл на багровом поле. И сам император — молодой, высокий, с усталым лицом человека, который слишком рано взвалил на себя ношу.

Экберт был единственным наследником престола. Его старший брат, Элуис Андре ван Энкас Блойме, погиб на войне — на той самой войне, что едва не разорвала империю на части. Это было страшным ударом по стране. Люди шептались: династия падёт, враги воспользуются слабостью, начнётся смута. Но Экберт выстоял. Он удержал страну от падения. Он стал солнцем империи — так говорили о нём в те дни.

Коронация солнца империи.

Максимилиан помнил, как стоял в толпе рядом с отцом, сжимая его холодную руку. Отец смотрел на императора с непроницаемым лицом. Тогда Максимилиан не понимал, что это значит. Теперь понимал: отец оценивал. Прикидывал. Искал выгоду. Он всегда искал выгоду.

А сам Максимилиан просто смотрел на золото и свет. Ему было четыре. Ему казалось, что он попал в сказку. Он ещё не знал, что сказок не бывает. Что магов нет. Что чудеса — это только слова, которыми взрослые прикрывают свою жестокость.

Он не знал, что вернётся сюда спустя девятнадцать лет. Не как сын герцога, не как наследник, не как гость на празднике. Поезд стучал колёсами по рельсам, отсчитывая вёрсты. Три дня. Три дня тишины, дороги и мыслей.

— Что ж, пойду осмотрюсь, — решил Максимилиан, лишь бы снова не погружаться в мысли. Последние дни голова была похожа на шар размером с планету — тяжёлый, гудящий, переполненный.

Он поднялся с места и вышел в коридор. Поезд мерно покачивало, колёса отбивали дробь по стыкам рельсов, за окнами тянулась бесконечная серая равнина. Максимилиан шёл по узкому проходу, держась за поручни, и ловил себя на мысли, что уже давно не бывал среди людей просто так. Вагон-ресторан встретил его тёплым светом и запахом кофе. Красные бархатные сиденья, деревянные столы с латунными лампами, белые скатерти — всё это напоминало декорации из старых фильмов, которые он видел в прошлой жизни. Он занял свободный стол в середине вагона, у окна, и откинулся на спинку.

Люди вокруг говорили. Тихие голоса, смех, звон посуды. Максимилиан любил наблюдать за ними — угадывать, кто они, откуда, куда едут. Профдеформация? Возможно. Но это доставляло ему почти детское удовольствие. Он загорался, как ребёнок при виде любимой сладости, когда удавалось подметить что-то, чего другие не видели: нервное постукивание пальцев, слишком ровную спину, взгляд, который слишком часто косится на дверь.

— Что желаете, господин? — официантка, молодая девушка с усталой улыбкой, остановилась у его стола.

— Одну чашку чая, — ответил Максимилиан.

— Две, — раздался женский голос сбоку.

Он обернулся. Рядом стояла девушка — миловидная, с тёмно-каштановыми волосами, убранными в простую причёску, и уверенным взглядом зелёных глаз. Одета скромно, но с той аккуратностью, которая выдаёт либо гувернантку, либо аристократку, решившую не привлекать внимания. Она смотрела на него прямо, без смущения.

— Извините за грубость, — сказала она. — Могу ли я составить вам компанию? Все столы заняты.

Максимилиан окинул взглядом вагон. И вправду — полон. Свободных мест не было. Он кивнул и указал ей на место напротив.

— Что ж, тогда две чашки чая.

— Благодарю. Вы очень учтивы.

Девушка села, аккуратно поправила юбку, положила руки на стол. Через несколько минут официантка принесла две чашки ароматного эрл грея. Пар поднимался над фарфором, смешиваясь с запахом бергамота и чего-то ещё — тёплого, почти домашнего.

— Какой приятный аромат, — девушка сделала глоток, и её глаза хитро блеснули. — Меня кое-что заинтересовало. Позвольте спросить?

— Спрашивайте.

— Вы ведь господин Максимилиан Халгрейм? Простите-простите, — она прижала руку к груди, — видела ваше фото в газете.

Максимилиан улыбнулся — выученная, милая улыбка, которая ничего не значила. Он привык к этому. Газеты сделали из него легенду, и люди часто узнавали его на улицах. Одни смотрели с восхищением, другие — с завистью, третьи — с плохо скрытым страхом.

— Так вы меня знаете? Приятно слышать.

— Куда направляетесь? В столицу?

— Вы довольно наблюдательны. Как угадали?

— Лишь предположила. Ведь сама держу туда путь. — Она отпила ещё глоток. — В любом случае для меня большая честь познакомиться с таким человеком, как вы.

— Вы мне льстите. Хотя я вашего имени до сих пор не знаю.

Девушка поставила чашку и посмотрела на него внимательнее. В её взгляде было что-то, что ему не понравилось. Что-то оценивающее. Слишком взрослое для её лет.

— Вы любите наблюдать за людьми? Ваш взгляд часто направлен в сторону. — спросила она.

— А вы переводить темы?

Её глаза сузились, и она засмеялась — искренне, легко, неожиданно.

— Ладно, туше, господин Халгрейм. Иветт Равилофт, рада знакомству.

Она протянула руку. Максимилиан немного опешил.

Иветт Равилофт.

Графиня Иветт Айлиз ван Равилофт. Главная героиня книги. Та, что должна была расследовать его смерть. Что она делала в этом поезде? Почему она выглядела иначе?

В книге её описывали как золотоволосую — светлую, почти светящуюся, с изящностью лебедя. А эта девушка была шатенкой, с тёмными волосами и зелёными глазами. Никакого золота, никакого сияния. Только уверенный взгляд и слишком спокойная улыбка.

Может, книга врал? Может, обложка была художественным вымыслом? Или она изменила внешность? Зачем?

Он взял её руку. Пальцы у неё были прохладные, но пожатие — твёрдое.

Девушка заметила его замешательство. Её зелёные глаза сузились, и она легко, почти беззаботно рассмеялась.

— Ох этот взгляд... Вы явно удивлены. Знаете меня? Ха-ха, расслабьтесь. Мне было лишь интересно взглянуть на вас вживую, раз представилась возможность. Связи налаживать стоит до того, как кто-то станет крупной фигурой. Вы так не думаете?

Она отпустила его руку и чуть склонила голову набок, продолжая улыбаться. В этой улыбке было что-то такое, от чего Максимилиан почувствовал себя не охотником, а дичью.

Он не любил это чувство. Совсем не любил.

— Согласен, связи в нашем мире играют немалую роль, — медленно проговорил он, не отводя взгляда. — Однако что лучший следователь империи забыл в этом поезде?

Улыбка Иветт не дрогнула. Она лишь чуть приподняла бровь — то ли от удивления, то ли от удовольствия. Видимо, ей понравилось, что он не стал играть в неведение.

— Лишь личные обстоятельства, — ответила она с хитрой и при этом почти невинной улыбкой. — Буду благодарна, если оставите нашу встречу маленьким секретом. Не хочу лишних слухов.

Максимилиан задумался. Она стелила мягко. Слишком мягко. Каждое слово — как шёлк, который скользит сквозь пальцы, стоит только попытаться ухватить. Он знал таких людей. Они умели говорить правду так, что она выглядела ложью, и ложь так, что она казалась правдой. Работал с ними. Ловил их. Иногда — проигрывал.

Доверять ей он не стал.

— Раз не хотите привлекать внимания, — сказал он ровно, — то пусть будет так.

— Знала, что поймёте. — Она чуть наклонилась вперёд, и в её голосе мелькнула тёплая, почти дружеская нотка. — Вы ведь тоже сейчас популярная персона. Устаёшь от постоянного ненужного внимания.

Это прозвучало гладко. Слишком гладко. Как хорошая отговорка, к которой не подкопаешься. Максимилиан отметил это про себя и мысленно поставил галочку.

— Хорошей вам дороги, Максимилиан Халгрейм, — сказала она, поднимаясь. — И благодарю, что скрасили моё время.

Она оставила на столе недопитую чашку. На секунду их взгляды встретились — и Максимилиан увидел в её глазах не любопытство, не восхищение, не кокетство. Он увидел расчёт. Холодный, спокойный, профессиональный расчёт. Она знала, кто он. Откуда едет. Куда направляется. С самого начала. Она знала больше, чем говорила.

— До встречи, господин Халгрейм, — сказала она и ушла.

Дверь вагона закрылась за ней с мягким шелчком. Максимилиан остался сидеть, глядя на опустевшее место напротив. На столе остывала её чашка — тонкий фарфор, тёмный ободок от чая. Он провёл пальцем по краю своей чашки, не отпив ни глотка.

Лучший следователь Империи. В поезде из глубинки в столицу. Под чужим именем? Нет, она назвалась настоящим. Личные обстоятельства. Смешно. У таких людей, как она, не бывает личных обстоятельств. У них бывают задания. Поручения. Дела, которые нельзя доверить никому другому.

Максимилиан медленно допил остывший чай. Горький, терпкий, уже не тот, что вначале. Он поставил чашку на стол. Голова снова набухла мыслями.

— Чёрт его дери, отдохнул, — выругался молодой господин и вздохнул, протерев лицо ладонью.

В голове не укладывалось: зачем он ей? И почему их встреча произошла именно здесь?

Максимилиан предполагал, что может пересечься с главной героиней, отправившись в столицу. Это было логично — рано или поздно их пути должны были сойтись. Ведь она была подчинённой одного из наследных принцев. Его правой рукой. Личной ищейкой. Имя, которое звучало как гром среди ясного неба для всех преступников империи. Её заслуги и мизинца не стоили тех деяний, которые она совершила — в восемнадцать лет, с умом острее клинка и хладнокровием, которому позавидовал бы любой генерал.

А тут она решила лично познакомиться?

Не послала записку. Не вызвала через канцелярию. Не устроила официальную встречу. Просто под села в поезде, в вагоне-ресторане, как обычная попутчица. Заказала чай. Улыбнулась. Назвалась.

Это не было случайностью. Такие люди, как Иветт Равилофт, не делают ничего случайно. Каждый их шаг — ход в игре, каждая улыбка — маска, каждое слово — оружие. Если она села за его стол, значит, у неё была причина. И эта причина ему не нравилась.

Может, она проверяла его? Хотела оценить или прицениться? Понять, кто он на самом деле. А может, за этим стояло что-то большее. Максимилиан поёжился.

— Господин, с вами всё хорошо? — официантка остановилась у стола, забирая чашку. Максимилиан поднял голову и улыбнулся — вежливо, спокойно, ничем не выдавая бури внутри.

— Да, простите. Просто задумался. Благодарю за чай.

Она кивнула и ушла. Максимилиан снова остался один. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Ладно. Если она хочет играть — он будет играть. Он адская ищейка, хоть это имя забавляло парня, всё же тешило его самолюбие. И если графиня ван Равилофт решила, что может просто подсесть к нему за стол и исчезнуть, оставив его с вопросами, — она ошибалась. Он найдет ответы. Так или иначе.

Следующие дни Максимилиан так и не встретил графиню.

Он выжидал её в вагонах — проходил через ресторан, заглядывал в коридоры, искал взглядом знакомую тёмную голову и уверенную осанку. Всё было тщетно. Она будто испарилась. Растворилась в поезде, как дым от папиросы, оставив после себя только недопитую чашку и слишком много вопросов.

Возможно ли такое? В поезде, где каждый вагон на виду, где пассажиры слоняются из конца в конец, где невозможно спрятаться? Максимилиан не верил в исчезновения. Он верил в расчёт. Если она хотела остаться незамеченной, значит, умела. Если хотела, чтобы он её искал, — знала, что он будет искать. И это его злило больше всего.

Дни пролетели один за другим — серые, дождливые, однообразные. Он читал газеты, смотрел в окно, спал урывками. Мысли о графине постепенно отступали, вытесняемые другим: что ждёт его в столице.

И вот — конечная станция. Диувэйл.

Поезд замедлил ход, вздрогнул и остановился. За окном развернулся город — огромный, шумный, живой. Вокзал кишел людьми: носильщики с тележками, дамы в широких шляпах, офицеры в мундирах, торговцы с лотками. Пар от паровозов смешивался с туманом, висел над перроном, и сквозь него проступали шпили дворца — далёкие, золотые, устремлённые в небо.

Максимилиан сошёл на перрон, сжимая в руке дорожный сундук. Он вдохнул полной грудью — воздух был другой. Не как в Глоербурге. Здесь пахло дымом, каменной пылью и чем-то неуловимым, что бывает только в больших городах: смесью амбиций, денег и страха.

Первым делом он направился в часть, в которую его назначили.

Дорога заняла больше часа. Он шёл пешком, разглядывая город. Столица поражала размахом. Широкие проспекты, многоэтажные дома с лепниной, витрины магазинов, конки на рельсах, газовые фонари — даже днём они казались чёрными стражами на постаментах. Люди спешили, не замечая друг друга. Никто не здоровался. Никто не смотрел в глаза.

А потом он увидел участок.

И остановился.

Это было не здание. Это была крепость. Огромный комплекс из серого камня, с высокими окнами, с тренировочными пристройками, где маршировали солдаты, с отдельным корпусом академии для новобранцев. За коваными воротами виднелись плацы, манеж, оружейные склады. Всё это стояло недалеко от территории дворца — так близко, что тень императорских шпилей падала на крышу главного корпуса.

Максимилиан сжал кулак с вещами. Впервые за долгое время он почувствовал неуверенность. Он ожидал участок. Пусть большой, пусть столичный, но участок. А это было нечто иное. Это был штаб. Центр. Место, где вершились судьбы всей полицейской системы империи.

Он выдохнул, поправил воротник и направился ко входу.

Внутри пахло воском, порохом и бумагой. Высокие потолки, мраморные полы, портреты начальства на стенах. Люди в мундирах сновали туда-сюда, не обращая на него внимания. Он подошёл к стойке, собираясь назваться, но не успел.

— Добрый день, герцог. Мы ожидали вас.

Голос был женский. Знакомый. Максимилиан обернулся. Перед ним стояла она. Золотые волосы переливались в лучах солнца, падавших через высокие окна. Игривые рубиновые глаза

смотрели на него — прямо, уверенно, с той самой улыбкой, которую он запомнил в вагоне-ресторане. Только теперь она была другой. Иветт Равилофт. В своём истинном облики.

Золотые волосы, изящность лебедя — всё, что о ней говорили, оказалось правдой. А то, что он видел в поезде, было маской. Искусной, безупречной, но маской.

— Какого... чёрта? — вырвалось у Максимилиана.

Улыбка Иветт стала шире.

Глава 3

— Нет, конечно, я знала, что я известная личность, которой часто удивляются, — говорила Иветт, и в её рубиновых глазах мелькнула насмешка. — Но ваша реакция немного ошеломляет, герцог Халгрейм. Всё-таки перед вами юная леди. Следите за выражениями, особенно при первой встрече.

Последние слова она выделила особенно сильно — медленно, с нажимом, так, что каждое слово повисло в воздухе, как приговор.

Максимилиан почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он не смутился. Давно научился держать лицо. Но сейчас — здесь, в этом огромном мраморном холле, среди мундиров и портретов начальства — он стоял перед девушкой, которая только что сделала его мальчишкой. И самое паршивое: она была права. Он выругался.

При первой встрече?

Мысль зацепилась и не отпускала. Первой. Она сказала — первой. Но они уже встречались. В поезде. Значит, вот в чём дело. Она хочет, чтобы он вёл себя как незнакомец. Чтобы их встреча здесь выглядела как обыденность — начальница встречает нового подчинённого, и только. Ладно. Он подыграет. Если она не желает, чтобы кто-то знал о том разговоре, — значит, на то есть причина. Не ему задавать вопросы. По крайней мере, не сейчас.

— Боже, простите за моё неуважительное поведение, — сказал он, откашлявшись. — Просто вы поймали меня врасплох.

— Всё же вы впервые в столице, ничего страшного, — Иветт чуть склонила голову набок, и золотые волосы качнулись, ловя свет из окон. — Я понимаю. Но надеюсь, вы не будете и далее так себя вести. А то сочту, что в моё подчинение попал мой верный поклонник.

— Я... Это... — Максимилиан запнулся.

Впервые за долгое время он растерялся. Слова застряли в горле, и он откашлялся снова, чувствуя, как уши горят. Он выругался. В присутствии юной леди. В столичном участке. Если бы это кто-то слышал — кто угодно, хоть один человек — он бы стал посмешищем. Молодой полицейский, действующая легенда газет — и не устоял перед молодой девушкой. Не сдержался. Оpozорился.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась Иветт, и смех у неё был лёгкий, звонкий, совершенно не соответствующий тому, как ловко она его только что прижала к стенке. — Простите, что смутила. Просто не могла удержаться от такого соблазна.

Максимилиан смотрел на неё и не знал, что сказать. Она играла с ним. Открыто, нагло, без всякого стеснения. И ей это нравилось.

— Вы говорите... я ваш подчинённый? — спросил он, наконец, справившись с голосом.

— Всё верно. — Иветт кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то серьёзное — промелькнуло и снова спряталось за игривой улыбкой. — Вас в последний момент переназначили ко мне. Я была ошеломлена новостями сегодня с утра. Кто бы мог подумать? Наслышана о ваших подвигах. Люблю ценных людей. Надеюсь, мы сработаемся.

Сладкая ложь. Максимилиан смотрел на неё и видел всё: и то, как ровно звучал голос, и то, как хитро блеснули рубиновые глаза, и то, как уголок губ дрогнул в едва заметной усмешке. Она знала всё давно. Возможно, сама повлияла на события. Возможно, это она и устроила его перевод — в последний момент, тайком. Он не знал. Но чувствовал: здесь не было случайностей. Ни одной.

Она скользнула взглядом по его дорожному сундуку — потёртому, с металлическими углами, повидавшему дороги. По лицу — усталому после трёх дней в поезде, но собранному, без тени расслабленности. По шинели, всё ещё хранившей запах глоербургской сырости.

— Вы ещё не разместились?

— Да, решил сначала оформить документы и получить форму.

— А вы времени зря не теряете. — Она чуть приподняла бровь, и в этом жесте было что-то одобрительное. — Следуйте за мной.

Она повернулась и пошла — легко, уверенно, не оглядываясь. Золотые волосы покачивались в такт шагам, каблуки стучали по мраморному полу — чётко, размеренно, как метроном. Люди расступались перед ней. Кто-то кивал, кто-то отводил взгляд, кто-то делал вид, что не заметил. Максимилиан подхватил сундук и двинулся следом. Они шли через длинные коридоры, мимо закрытых дверей с латунными табличками, мимо комнат, откуда доносился стук пишущих машинок и приглушённые голоса. Стены были увешаны портретами — суровые мужчины в мундирах, с орденами и без, смотрящие вниз, как судьи. Под потолком гудели газовые лампы, бросая тёплый желтоватый свет на мрамор и полированное дерево. Пахло воском, кожей и чернилами.

Они свернули в боковой коридор, потом ещё раз, поднялись по широкой лестнице с коваными перилами. На втором этаже было тише. Здесь не сновали курьеры, не грохотали пишущие машинки. Здесь были только двери — тяжёлые, дубовые, с табличками, где значились должности и имена.

— Мой кабинет, — сказала она, обернувшись. — Ваше рабочее место будет расположено в нём же. Всё, что потребуется, вам выдадут чуть позже, я распоряжусь. Но сейчас вам нужен отдых после дороги. Вас наверняка мучила бессонница. — Снова этот хитрый взгляд, намекающий на то, что она знает о невообразимом количестве вопросов, которые он хотел ей задать. — Матрасы очень уж неудобные в поездах.

Максимилиан чуть не усмехнулся.

Вот как она это делала. Нарочно. Произнесла это вслух — громко, ровно, будто для случайных ушей. Будто его бессонница была из-за жёсткого матраса, а не из-за неё. Из-за вопросов, которые она сама же ему и оставила — как осколки под кожей. Она замечала следы. Прикрывала и себя, и его. Одной фразой. Так, чтобы никто, стоящий в коридоре, не подумал лишнего.

Умно. Слишком умно.

— Если подождёте, я вас отведу к вашему новому жилью, которое подготовил для вас светлость Эндрю Блойме.

Максимилиан моргнул.

— Сон и вправду не... — начал он, но осекся. — Наследный принц? Вы меня так изведёте новостями.

— Вы, скорее всего, осведомлены, что второй наследный принц — мой покровитель и прямой начальник, — спокойно ответила Иветт, и в её глазах мелькнула тень удовольствия. — Так что не удивляйтесь так. Я наслышана о вашей смывлёности, но приму ваше поведение за усталость и привыкание к новым обстоятельствам.

Она резко шагнула вперёд. Так близко, что он почувствовал лёгкий запах духов — что-то цветочное, едва уловимое. И прошептала:

— Не разочаруйте меня, адская ищейка. Хотя ваше прозвище немного забавно.

— К сожалению, не я его себе дал, — парень слегка нервно улыбнулся.

— Славно. — Девушка удовлетворённо хлопнула в ладоши и улыбнулась.

И в этот момент что-то в ней переменилось. Секунду назад она сверлила его взглядом — холодным, оценивающим, как офицер на смотре. А теперь стояла перед ним с лёгкой, почти неловкой улыбкой, словно невинная овечка. Милая. Молодая. Безобидная. Образ, который ей бы и вправду подошёл, учитывая внешность и возраст. Но нельзя же судить книгу по обложке.

Графиня скрылась за дверью кабинета, оставив Максимилиана ждать в коридоре.

Он остался один. Прислонился к стене, скрестил руки на груди. Коридор был тихий, пустой. Только газовые лампы гудели под потолком да где-то далеко стучала пишущая

машинка. Он смотрел на закрытую дверь и думал: кто она на самом деле? Девушка с обложки. Хрупкий цветок. Сильнейшее оружие империи. И — его новая начальница. Всё это не складывалось в одну картину. Слишком много масок. Слишком быстро она их меняла.

Прошло минут десять. Может, больше.

— Господин... Халгрейм...?

Максимилиан обернулся.

Перед ним стоял молодой юноша лет пятнадцати. Низковатый, в очках, в рубашке, немного поспешно заправленной в брюки, и в жилете, который был ему слегка велик. Вид у него был такой, будто он бежал через весь корпус и боялся опоздать.

— Да... а вы...?

— Леон Лавел. — Парень поспешно протянул коробку. — Графиня Равилофт просила... поручила мне предоставить вам форму.

Максимилиан потянулся за коробкой.

— Благо...

Он не успел договорить.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Иветт.

Но не та, что десять минут назад.

Теперь на ней был красивый приталенный пиджак, длинная юбка, широкая шляпа и солнечные очки. Всё тёмное, элегантное, дерзкое. Она выглядела не как служащая при дворце, а как дама из модного журнала — та, что следит за последними трендами и не боится выглядеть вызывающе. Образ, который абсолютно не складывался с тем, что она производила минуту назад.

Будто личности менялись как перчатки.

Максимилиан застыл с протянутой рукой, глядя на неё. Леон тоже замер, прижимая коробку к груди.

— Что? — Иветт чуть приподняла бровь, и за тёмными стёклами очков не было видно её глаз. — Идёмте. Жительство ждёт. Ох... Леон, ты успел как раз вовремя, как я и предполагала. Умничка. Составь нам компанию, у меня как раз был к тебе разговор.

Юноша без колебаний кивнул и последовал за ней.

Максимилиана вели по улицам. В отличие от кронпринца, старшего наследника престола, Эндрю Сильбастер Блойме жил на границе города — по распоряжению императора. Поэтому путь их лежал через карету. Чёрную, с гербом на дверце, с плотными занавесками. Внутри пахло кожей и деревом. Всю дорогу они молчали. Карета катилась по булыжникам, покачивалась, и молчание становилось тягучим, как патока.

Максимилиан смотрел в окно. Диувэйл разворачивался перед ним — широкие проспекты сменялись узкими переулками, каменные дома — садами и оградами. Здесь, на окраине, город становился тише. Реже попадались люди. Реже горели фонари. А потом тишину прервала главная героиня книги.

А ведь и вправду, Максимилиан задумался. Раз она главная героиня, то и все события должны крутиться вокруг неё. Это же свойственно таким персонажам, как она. Всё, что происходит, так или иначе ведёт к ним. Или через них.

— Леон, ты достал нужные бумаги? — Иветт улыбнулась — мягко, почти по-домашнему.

— Да, — парень сначала недоверчиво посмотрел на Халгрейма.

— Это дело будет и делом нашего нового сотрудника. Можешь не бояться.

Взгляд её стал оценивающим. Она смотрела на Максимилиана так, будто проверяла: достаточно ли он хорош, чтобы впустить его в это. Или достаточно ли опасен, чтобы держать в стороне.

— Дело? — Максимилиан сосредоточился на этом слове.

— Что ж, раз так... — Леон всё ещё недоверчиво взглянул на герцога, поджал губы и выдохнул.

Он начал расстёгивать рубашку. Максимилиан приподнял бровь, но ничего не сказал. А потом увидел: под рубашкой, на груди, был огромный потайной карман — размером с папку. Парень запустил туда руку и достал стопку листов, сложенных в несколько раз.

— Контрабанда оружия, — сказал Леон, передавая бумаги Иветт. — Вы были правы, миледи, когда начали подозревать, что кто-то этим промышляет. На чёрном рынке стали скупать оружие, которое нельзя отследить и найти владельца.

Иветт развернула листы на коленях. Максимилиан машинально скользнул взглядом — цифры, даты, названия улиц, имена. Слишком много для одной недели. Слишком много для одного города.

— Ну что, Максимилиан, думаешь? — Оценивающий и хитрый взгляд бросился в его сторону.

Он задумался. Честно говоря, он хотел немного передохнуть. После трёх дней в поезде, после бессонницы, после встречи с ней — он мечтал о кровати, тишине и чашке горячего чая. Но его сразу окунули в ледяную воду и заставили работать.

— Информации мало, — сказал он наконец. — Скупка оружия. В таких масштабах. Это не для одного человека. Это для группы. Большой группы. — Он помолчал, собирая мысли. — Бунт? Нападение? Террор? Здесь может быть много вариантов.

— И какой из них самый вероятный? — Иветт смотрела на него внимательно, не перебивая.

— Смотря кто покупает. — Максимилиан взял один лист, пробежал глазами. — Если это дворяне — они готовят частную армию. Для защиты или для захвата. Если это купцы — они вооружают охрану. Для караванов или для чего похуже. Если это кто-то из канцелярии — они готовят операцию, о которой не должен знать император.

— А если это кто-то другой? — тихо спросила Иветт.

Максимилиан пожал плечами.

— Тогда это кто-то, у кого есть деньги, связи и очень много врагов. Или очень много планов. — Он вернул лист. — В любом случае, одно я знаю точно: тот, кто скупает столько оружия, готовится к чему-то серьёзному. И он не хочет, чтобы его нашли.

Иветт не ответила. Только улыбнулась — коротко, одобрительно.

А потом сказала:

— А если бы я сказала, что закупаю оружие я, вы бы поверили?

Хитрая ухмылка. Такая, от которой у любого нормального человека по спине пробежит холодок. Леон, сидевший напротив, поперхнулся воздухом.

— Г-госпожа, что вы такое говорите?! — всполошился он, вцепившись в край сиденья. — Это же... это же...

— Это шутка, Леон, — не оборачиваясь, бросила Иветт. Но в её глазах не было ни капли шутки.

Максимилиан смотрел на неё секунду. Две. А потом рассмеялся — коротко, сухо, без веселья.

— Вы явно из тех, кто не щадит нервы своих подчинённых, — сказал он, откидываясь на спинку. — Шанс, что вы скупаете оружие, всегда есть, и он не равен нулю с вашими-то возможностями. Но вы бы не стали этого делать. Я более чем уверен.

— Почему же?

Иветт чуть склонила голову набок. За тёмными стёклами очков не было видно глаз, но Максимилиан чувствовал на себе её взгляд — острый, как скальпель.

— Потому что если бы с кронпринцем что-то случилось, наследного принца сделали бы первым подозреваемым. Закон о наследовании престола — штука жёсткая. А если бы его пра-

вая рука закупалась нелегальным оружием, это стало бы весомым словом против его высочества. — Максимилиан пожал плечами. — Вы бы не стали подвергать даже малейшей опасности вашего покровителя. Это было бы глупо. А вы не глупы.

Тишина в карете стала густой, как смола.

А потом Иветт рассмеялась. На этот раз по-настоящему — звонко, легко, будто он сказал что-то невероятно забавное.

— Ха-ха-ха. Леон, ты слышал? — Она повернулась к юноше. — Ладно. Вы правда смыслённый, подпоручик. Не разочаровали.

Леон сидел надувшись. Губы поджаты, брови сдвинуты, взгляд прикован к коленям. Он явно был обижен — и на госпожу, которая так с ним играла, и на Максимилиана, который оказался прав там, где он сам растерялся. Юноша что-то пробормотал себе под нос, но вслух ничего не сказал.

— Завтра будьте готовы ранним утром, — Иветт снова стала деловой. Голос ровный, спина прямая, ни следа от недавнего смеха. — Мы выдвигаемся беседовать с парочкой интересных личностей. Их досье, Леон, передай подпоручику. Пусть ознакомится к утру.

— Слушаюсь, — буркнул Леон, не поднимая глаз.

Карета замедлила ход. За окном показались высокие кованые ворота, за которыми виднелся большой дом — тёмный, строгий, с колоннами и узкими окнами. Жилище второго наследного принца.

Иветт вышла первой. Леон — следом, всё ещё надутый, прижимая к груди папку с бумагами. Максимилиан задержался на секунду, глядя на дом.

Глава 4

На территории особняка их встретил дворецкий — молодой мужчина, чуть старше двадцати пяти, в изящном чёрном костюме, с безупречной осанкой и лицом человека, который привык не задавать лишних вопросов. Он открыл ворота, коротко кивнул Иветт и отступил в сторону.

А Иветт — на пороге дома — резко улыбнулась, обернулась к Максимилиану и бросила: — Пока-пока, я по делам.

И убежала.

Просто взяла и убежала. Лёгкая, быстрая, будто школьница, опоздавшая на урок. Только каблуки простучали по каменным ступеням, только золотые волосы мелькнули в свете фонарей — и всё. Даже дворецкий, казалось, на секунду опешил, провожая её взглядом. Или просто устал удивляться — за время службы он наверняка видел и не такое.

Максимилиан смотрел ей вслед и не знал, что думать.

Холодная начальница, хитрая интриганка, милая и скромная юная леди, дерзкая модница. А теперь — легкомысленная девица, убегающая по делам с улыбкой и брошенным через плечо «пока-пока».

Эта девушка теперь стала ассоциироваться у него с одной короткой фразой: «Смотри, что выкину».

Словно каждое её появление — это маленькое представление. Словно она проверяла, сколько он выдержит, прежде чем свихнётся. Любой другой на его месте уже давно бы свихнулся. Или как минимум перестал бы пытаться её понять. Он усмехнулся про себя, покачал головой и шагнул вслед за дворецким в дом.

Внутри было тепло. Пахло воском, деревом и чем-то неуловимо дорогим — может, кожей, может, цветами. Дворецкий довёл их до комнаты на втором этаже и открыл дверь.

Помещение было огромным. Широкое окно с видом на сад, кровать под балдахином, письменный стол у стены, кресла у камина. Мебель тёмного дерева, тяжёлые шторы, ковёр со сложным узором. Максимилиан остановился на пороге, оценивая. Такие комнаты он видел только в детстве — в отцовском поместье. Максимилиан остановился на пороге, оценивая. Дворецкий поклонился и ушёл. Леон остался.

Он стоял у стола, поправляя очки, и смотрел на Максимилиана с тем же настороженным выражением, что и в карете. Но теперь в нём было что-то ещё — любопытство. Или оценка.

— По поводу дела... — Юный господин поправил очки и протянул бумаги.

Максимилиан взял. Стопка листов, исписанных мелким аккуратным почерком. Цифры, даты, имена, суммы. Он перевернул первый лист, потом второй. С каждой строчкой брови поднимались всё выше.

— Благодарю... Это?

— Это все личности, у которых за последнее время были безбожно большие траты. Официальные и неофициальные — по слухам.

Максимилиан перелистнул ещё несколько страниц. Всё было настолько подробно описано, что становилось жутко. Не просто суммы — источники, связи, даты сделок, имена посредников, даже предположительные маршруты доставки. Он видел работу профессионала. Очень хорошего профессионала. Опасного профессионала.

— У вас хороший информатор, — сказал он, не поднимая глаз.

— Благодарю. Рад стараться.

Халгрейм остолбенел с одним из листов в руке — он медленно поднял глаза на Леона. Парень стоял прямо, руки за спиной, лицо спокойное. Слишком спокойное для пятнадцатилетнего.

Максимилиан потёр переносицу. Усмехнулся — слегка, раздражённо.

— У вас всегда так интересно? Или только сегодня?

— Вы привыкнете.

Леон больше не казался тем юнцом, которого Максимилиан представил себе при первой встрече — растерянным, неловким, с рубашкой, заправленной наспех. Сейчас перед ним стоял человек. Молодой, но человек. С прямым взглядом, с твёрдым голосом, с той самой тихой уверенностью, которая бывает у людей, знающих себе цену.

Никто не озвучил этих мыслей вслух. Но Максимилиан быстро понял: Леон и был информатором. Тем самым, чьи сведения стоили дороже золота. А информация, как известно, иногда опаснее оружия. Если этот подросток умеет так её доставать и так распоряжаться — значит, он ещё один молодой монстр империи. Помимо графини Иветт.

Максимилиан положил листы на стол. Посмотрел на Леона внимательно, без улыбки.

— Что ж, — сказал он. — Тогда давайте знакомиться заново. Подпоручик Максимилиан Халгрейм. С этого момента — ваш коллега.

Леон чуть склонил голову. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Леон Лавел, — ответил он. — Я лишь скромный помощник госпожи Равилофт и не более того. Добро пожаловать в столицу, господин Халгрейм.

Он развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Максимилиан остался один. Он сел в кресло у камина, взял листы и снова углубился в чтение. Утро обещало быть интересным.

— Эрцгерцог Фиасто Руфель ван бер Фелисте. За последнюю неделю проиграл несколько тысяч золотых в игорном доме, скрыл полный доход и эти средства направил на ставки и выпивку.

Максимилиан отложил лист.

Нет. Вряд ли наш кандидат. Слишком глупо. Человек, который скупает оружие в таких масштабах, не станет светиться в игорных домах. Разве что для сделки или алиби. Но даже тогда — слишком рискованно. Слишком много глаз. Слишком много ушей. Если он и замешан, то он не организатор.

Следующий лист.

— Графиня Дорианна Круэлла ван де Хессен Грандес. Выкупила бутик с новейшими платьями. — Он хмыкнул. — Известна в газетах благодаря своим растратам. Однако откуда такие суммы? Ах вот оно что. Она поставщик на подпольных аукционах с редкими украшениями.

Он задумался.

Для охраны таких мероприятий нужно много людей. Ассасины? Возможно. Но не в таком количестве. Да и ассасины изначально оснащены своим оружием, его не нужно покупать нанимателю. Лишь в редких случаях. Не она. Но она может быть полезна. У неё есть связи на чёрном рынке. Через неё можно выйти на тех, кто продаёт. На тех, кто покупает. Следующий лист.

— Генерал в отставке Артур Дрейк ван Хаген. Бывший командующий Второй армией. Проживает в пригороде. За последние две недели снял со счетов почти всё состояние. Официально — для покупки земли в провинции. Неофициально — по слухам, готовит приданое единственной дочери. Это звучит почти невинно. Но генерал, который снимает со счетов всё до последнего гроша ради приданого? Слухи — это лишь слухи. Но такие вещи требуют проверки. Особенно когда речь идёт о генерале с боевым опытом и связями в армии.

Он взял последний лист.

— Купец второй гильдии Оскар Вельд. Владелец флота торговых судов. За последний месяц его корабли трижды ходили в южные провинции и возвращались с грузом, который не был указан в декларации. Таможня не проверяла. По слухам, он платит кому надо.

Максимилиан потёр подбородок, глядя в огонь.

Корабли. Южные провинции. Груз, который не указан в декларации. Таможня не проверяла. Платит кому надо.

А если...

Он замер. Мысль, которая сначала показалась слишком смелой, теперь обрастала деталями. Слишком гладко всё сходилось. Слишком аккуратно.

А если это не внутренние разборки? Если это не просто кто-то из знати хочет захватить власть или земли? Если это кто-то извне? Иностранное государство? Сосед, который давно смотрит на империю и ждёт, когда она ослабнет? Максимилиан откинулся в кресле. Вот оно. Вот что он завтра скажет графине. Он поднялся, подошёл к окну. За стеклом темнел сад — чёрные силуэты деревьев, редкие огни вдалеке. Он отошёл от окна, погасил лампу и лёг. И наконец-то спустя несколько дней бессоницы его накрыл сон, такой сладкий и долгожданный.

Утро началось сумбурно.

Максимилиан спал глубоко, без снов — впервые за долгое время. Камин догорел, в комнате было прохладно, и он завернулся в одеяло с головой, как в кокон. Ему снилось что-то спокойное. Что-то из детства. Может, кухня Марты. Может, тёплый хлеб. Может, ничего.

А потом его разбудили голоса.

Сквозь сон, глухо, будто из-под воды, он слышал обрывки разговора где-то на границе сознания.

— Леон, нам нельзя дольше ждать. Пора будить этого соню.

— Н-но, госпожа... это совсем бесчеловечно.

— Ты забыл, где мы работаем? Давай торопись.

— М-мне очень и очень жаль...

Что-то холодное, мокрое, беспощадное обрушилось на лицо. Вода. Ледяная. Максимилиан подскочил в постели, как ужаленный, с широко раскрытыми глазами, хватая ртом воздух.

— Это что ещё такое?!

Вода стекала по лицу, по шее, за воротник пижамы. Он моргал, отплёвывался, пытаясь понять, где он и что происходит. И постепенно взгляд сфокусировался.

В дверном проёме стояла Иветт.

Она была в милом, но строгом платье — светло-сером, с высоким воротником и аккуратными пуговицами. Волосы убраны в простую причёску. Вид самый что ни на есть благопристойный. И при этом она заливалась смехом — звонким, искренним, до слёз.

— Ха-ха-ха-ха! Вот это лицо! Нет, ну вы хотя бы прикройте свою пижаму, господин Халгрейм!

Максимилиан опустил глаза. Пижамы была расстёгнута — видимо, во сне он сам её распахнул. Он резко схватил одеяло и натянул до подбородка, чувствуя, как уши наливаются жаром.

Леон стоял рядом с Иветт, держа в руках пустой таз. Вид у него был виноватый до боли. Он смотрел на Максимилиана, как провинившийся щенок.

— Извините меня... Понимаете, начальство заставило...

— Вы почему вообще вошли в мои покои?! — Максимилиан переводил взгляд с Леона на Иветт и обратно. — А вы, графиня Равилофт, разве вы не юная леди? Вам нельзя заходить в покои мужчин! Как и нам в ваши! Во избежание нелепых слухов!

Уши горели. Эта девушка сводила его с ума. С ней он снова чувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой, который не знает, куда девать руки и куда смотреть.

— На минутку, ваша светлость, — Иветт невинно посмотрела на него, чуть склонив голову набок. — Я всё ещё за пределами вашей комнаты.

Она сделала маленький шаг назад — ровно на полшага, чтобы каблуки остались в коридоре. И продолжила смотреть на него из открытой двери с выражением ангельской невинности.

— А вы тут один. Кто встречает юную гостью в непристойном виде?

— Г-госпожа... — Леон попытался вклинить.

— Максимилиан, — Иветт даже не обернулась к юноше. Голос стал деловым, собранным, без тени смеха. — Собирайтесь. Мы выходим через десять минут. Завтрак вам уже принесли.

Она кивнула в сторону тумбы у кровати. Там стоял поднос — чайник, чашка, тарелка с хлебом, маслом и сыром, а также каша. Пар поднимался над чайником, смешиваясь с утренним светом из окна.

— Леон вам поможет. — Она отступила в коридор. — И, господин Халгрейм?

— Что?

— Смените пижаму. Она вам не идёт.

Она улыбнулась — коротко, озорно — и исчезла за дверью. Каблуки простучали по коридору и стихли.

Максимилиан сидел в постели, прижимая к груди одеяло, мокрый, злой и смущённый одновременно. Леон всё ещё стоял с тазом, не зная, куда себя деть.

— Простите, — тихо сказал он. — Она сказала, что если я не разбужу вас, она отправит меня в архив. На неделю. Без света.

Максимилиан посмотрел на него. Потом на поднос. Потом на дверь, за которой скрылась Иветт.

— Ладно, — выдохнул он. — Хотя бы чай горячий.

— Ваша сменная одежда на сегодня, — Леон положил на кровать аккуратно сложенный костюм, — и... не удивляйтесь парик. Хорошо? Сегодня вам нельзя выдать свою реальную личность. Госпожа... она объяснит, что делать.

Максимилиан взял костюм. Тёмно-серый, городского кроя, с жилетом и узким галстуком. Хорошая ткань, аккуратные швы — явно не дешёвка. Рядом лежал парик. Чёрный, с короткими, ровно подстриженными волосами. Максимилиан посмотрел на него с сомнением.

— Работа под прикрытием?

— Можно и так сказать. — Леон присел на край стула. — Вы же ознакомились с бумагами? Большинство из этих людей остерегается полиции из-за своей деятельности. Поэтому подобраться к ним сложнее. Обычным путём — не получится. Они чувствуют форму за версту.

— Всё-то вы продумали, — Максимилиан покачал головой. — А я даже подумать не успел.

— Ничего. Я верю, вы привыкнете. — Леон чуть улыбнулся, впервые за утро. — Правда, пополнение у нас впервые за долгое время. Так что, видимо, в вас есть что-то, что зацепило госпожу.

Максимилиан остановился на мгновение с париком в руках. В поезде она сидела напротив, пила чай, улыбалась. Спрашивала, любит ли он наблюдать за людьми. Смотрела на него с тем самым оценивающим взглядом. Тогда? Уже тогда она делала выводы? Интересно, какие ответы ей показались нужными, раз он здесь. Что она в нём увидела? Что искала? И нашла ли?

Он хотел спросить. Но посмотрел на Леона — и понял, что не ответит. Парень знал больше, чем говорил, но не больше, чем ему позволено. А то, что не позволено, он не скажет даже под пытками. Максимилиан уже понял, что за внешностью пятнадцатилетнего юнца скрывается кто-то другой. Кто-то, кто умеет хранить секреты.

Он стал одеваться.

Костюм сел на удивление хорошо — будто шили на него. Жилет обтянул плечи, галстук лёг ровно, пиджак держал форму. Максимилиан посмотрел в зеркало и не узнал себя. Перед ним стоял молодой человек из хорошей семьи — из тех, что ходят по улицам, обедают в дорогих ресторанах и не вызывают ни у кого подозрений.

Парик завершил образ. Чёрные волосы, короткие, аккуратные. Максимилиан провёл по ним рукой, привыкая к чужому ощущению. Непривычно. Неправильно. Но, возможно, именно это и было нужно.

Он быстро доел завтрак — хлеб, сыр, масло, чай уже остыл. Вытер руки салфеткой, поправил галстук и вышел.

Леон повёл его по коридору, вниз по лестнице, через холл. У выхода их ждала Иветт.

Максимилиан остановился.

Она стояла у двери, спиной к свету. Волосы — чёрные, как смоль, убраны в тугую косу, перекинутую через плечо. Платье — строгое, тёмно-синее, с высоким воротом и длинными рукавами. Никаких украшений, никаких ярких деталей. Она выглядела иначе. Проще. Тише. Незаметнее. Но всё равно — опасно.

Она обернулась.

Их глаза встретились. Максимилиан — в чёрном парике, в чужом костюме, с чужим лицом. Иветт — с чёрной косой, в строгом платье, с чужим цветом волос.

Она улыбнулась — коротко, одобрительно.

— Неплохо, — сказала она. — Даже очень. Вам идёт быть брюнетом, господин Халгрейм. Может, оставите?

— Не думаю, — ответил он ровно. — Мне больше по душе свой цвет.

— Жаль, были бы в моём вкусе. — Она отвернулась и кивнула Леону. — Идём. Нас ждут.

Она вышла первой. Максимилиан — следом. Утро было холодным, серым, но город уже просыпался. Где-то далеко звонили колокола. Где-то рядом грохотала телега.

Они сели в экипаж, оставив Лавела в поместье.

Карета тронулась. Колёса застучали по булыжникам, дома за окном поплыли медленно, сонно. Иветт откинулась на спинку, поправила косу и посмотрела на Максимилиана внимательно, без улыбки.

— Слушайте внимательно, дорогой братец, Иан Флад.

Максимилиан чуть приподнял бровь.

— Сегодня ты мой милый старший брат, а я — Джессика Флад. Советую сразу привыкнуть к роли. Вы хороший актёр?

— Сегодня, видимо, и узнаем, дорогая сестра. — Он склонил голову набок, изображая заботливого родственника. — Куда моей ненаглядной сегодня захотелось?

— Переигрываете. — Иветт поморщилась, но в глазах мелькнула искра. — Но каковы ваши догадки?

Максимилиан задумался. Он вспомнил свои ночные размышления — бумаги, имена, связи. Куда бы он отправился в таком образе, под прикрытием, для первого шага? Генерал — это слишком серьёзно. Купец — слишком опасно.

— Вы захотели новое платье или драгоценность? — спросил он вслух.

Иветт чуть улыбнулась — хитро, довольно. Этот взгляд мог значить только одно: он правильно понял ход её мыслей.

— Я бы не отказалась, раз брат предлагает.

Она поправила складку на платье и посмотрела в окно. Карета как раз выезжала на широкую улицу — витрины магазинов, вывески, модные лавки. Здесь пахло деньгами и духами, а не порохом и потом. Другой мир. Мир, где люди тратят состояния на тряпки и украшения, не задумываясь о том, откуда берутся эти деньги.

— Для начала мы навестим графиню Дорианну Круэллу ван де Хессен Грандес, — сказала Иветт, не отрываясь от окна. — Бутик, который она выкупила, — это не просто магазин. Это салон. Место, где собираются нужные люди. Где продают не только платья, но и информацию. Где можно услышать то, о чём не пишут в газетах. Например о нужных вещах, и где их приобрести.

— Аукционы? И вы хотите, чтобы я...

— Чтобы ты был моим братом. Внимательным, обаятельным, немного легкомысленным. — Она повернулась к нему. — Ты — молодой дворянин из провинции, приехал в столицу

показать сестре мир. Ты богат, но не настолько, чтобы тебя считали угрозой. Ты любопытен, но не настолько, чтобы тебя считали опасным. Ты просто милый мальчик, который покупает сестре платье.

— Милый мальчик, — повторил Максимилиан.

— Именно. — Иветт улыбнулась. — Сможешь?

Он посмотрел на неё. Чёрная коса, строгое платье, спокойное лицо. Ни следа той девушки, что обливала его водой утром. Ни следа той, что смеялась над его пижамой. Перед ним сидела профессионал.

— Смогу, — сказал он.

— Тогда запомни: тебя зовут Иан Флад. Ты из провинции. Наша семья — обедневшие дворяне, но с именем. Мы приехали на месяц. Остановились в гостинице «Золотой лебедь». Ты не служишь. Ты не работаешь. Ты просто живёшь. Твоя задача показать ей, что ради своей драгоценной сестрёнки ты готов и раскошелиться.

— А ты?

— Я — Джессика. Твоя младшая сестра. На выданье. — Она усмехнулась. — Люблю платья, украшения и сплетни. Идеальная приманка для графини.

Карета замедлила ход. За окном показался бутик — изящная витрина, золотые буквы на стекле, дорогие ткани, разложенные на бархате. «Дом Круэллы». Рядом с входом стояли два лакея в ливреях.

— Приехали, — сказала Иветт. — Готов?

— Готов, — ответил он.

Иветт кивнула. Дверца открылась.

Глава 5

На входе в бутик их встретила милая швея — молодая девушка с аккуратным пучком и добрыми глазами. Она тут же отложила ткань, которую держала в руках, и всплеснула ладонями.

— Ох, добрый день! Что хотели подобрать?

Иветт — то есть Джессика — робко шагнула вперёд. Глаза у неё были широкие, наивные, будто она впервые видела нечто настолько прекрасное. Она оглядывалась по сторонам с восторгом, трогала пальцами бархат на витрине, восхищённо вздыхала.

— Простите... а это же тот самый бутик «Дом Круэллы»? — спросила она тихо, почти благоговейно. — До сих пор не верю, что попала в настолько восхитительное место.

Швея просияла.

— Вы слышаны? Рады слышать. Наша госпожа приложила столько сил и вложила душу в это место. Так что же вы желаете, юная госпожа?

Иветт обернулась к Максимилиану. В её глазах — наивность и мольба, будто она просит нечто невероятно дорогое и боится отказа.

— Братец... Я правда-правда могу выбрать себе подарок?

Максимилиан посмотрел на неё. Сейчас перед ним стояла совсем другая девушка. Молодая, робкая, смущённая. Та, что боится попросить слишком много. Та, что смотрит на брата с надеждой и любовью. Та, что краснеет от одного взгляда.

Она играла великолепно. Слишком хорошо. Максимилиан даже на секунду забыл, что это ложь.

Он улыбнулся — тепло, мягко, как умел только с Канной. И осторожно погладил «сестру» по голове.

— Мы столько ехали в столицу, конечно, можешь выбирать всё, что пожелаешь.

Рука привычно легла на чужие волосы. На секунду в груди кольнуло — воспоминание о другой голове, о другой сестре. Канна. Она любила, когда он гладил её по голове.

Максимилиан вытряхнул воспоминание из головы. Быстро. Безжалостно. Сейчас он был на работе.

— Ох, господин, вы не отсюда? — швея с любопытством посмотрела на него.

— Да, мы проездом в столице, — ответил он легко. — Хотел порадовать сестру перед тем, как она станет совсем взрослой леди. Скажите, такая милашка, а?

Он кивнул на Иветт. Швея улыбнулась, растаяла.

— Что ж, тогда я знаю, что вам нужно.

Она быстро развернулась и убежала куда-то вглубь бутика. За шкафами с тканями, за портьерой, в подсобку. Вернулась через минуту — с платьем в руках.

Платье было нежно-голубым. Роскошным, но не кричащим. Шёлк, кружево, тонкая вышивка по подолу. Оно будто светилось изнутри — как утреннее небо. Идеальное для юной леди. Идеальное для белоснежного лебедя.

Иветт посмотрела на него. И — Максимилиан готов был поклясться — на секунду она забыла, что играет. В её глазах мелькнуло настоящее восхищение.

— Братик... — прошептала она. — Я даже не знаю... Не слишком ли цена велика?

Максимилиан присел перед ней на колени. Со стороны это выглядело как жест любящего брата — он хотел заглянуть сестре в глаза.

— Я готов хоть весь бутик тебе подарить, — сказал он тихо, — если ты этого пожелаешь.

— Господин?! Ох... Я...

— Ширлисса, не пугай наших гостей.

Голос раздался откуда-то слева. Женский, низкий, уверенный. С лёгкой хрипотцой, которая бывает у людей, привыкших командовать.

Из кабинета вышла дама.

Высокая. Статная. В меховом воротнике — несмотря на сентябрь, — в броском платье глубокого винного цвета, с брошью на груди и кольцами на каждом пальце. Волосы уложены в сложную причёску, темные, с проседью у висков. Лицо холёное, надменное, но не злое.

Графиня Дорианна Круэлла ван де Хессен Грандес.

Иветт обернулась. И — Максимилиан снова восхитился её мастерству — её лицо вспыхнуло. Щёки порозовели, глаза загорелись, пальцы сжались в кулачки у груди.

— Госпожа, вы... Вы же графиня Дорианна Круэлла ван де Хессен Грандес? — выдохнула она, запинаясь. — Ой, простите за столь большую бестактность. Просто я ваша поклонница. Всегда восхищалась вашими образами. И увидеть вас...

Она замолчала, будто от нехватки воздуха. Потом прижала ладонь к щеке и потупила взгляд.

— Простите. Я, наверное, выгляжу ужасно.

Максимилиан смотрел на неё и не мог понять, где заканчивается игра и начинается что-то другое. Она была идеальна. Абсолютно. Ни одна живая девушка не смогла бы сыграть это лучше. Или — смогла бы.

Графиня Круэлла остановилась в двух шагах. Окинула Иветт взглядом — быстрым, цепким, оценивающим. Потом перевела глаза на Максимилиана. Тоже оценила. Медленнее. Внимательнее.

— Поклонница, значит, — проговорила она наконец. — Мило. Всегда приятно, когда тебя ценят. А вы, юноша, — она чуть склонила голову, — брат этой прелестной особы?

— Иан Флад, — Максимилиан поднялся с колен и коротко поклонился. — Мы проездом. Хотел порадовать сестру. Она у меня... — он бросил на Иветт тёплый взгляд, — единственная. Отец умер, мать в провинции.

Ложь легла на язык легко, как будто он всю жизнь её повторял. Графиня смотрела на него ещё секунду. Потом улыбнулась — коротко, одобрительно.

— Что ж, Иан Флад. У вас хороший вкус. И хорошая сестра. Ширлисса, — она обернулась к швее, — подай нашим гостям шампанского. Мы сейчас будем примерять.

Она подошла к Иветт, взяла её за руку и повела к примерочной.

— А вы, юная леди, расскажете мне, откуда вы нас знаете. И что слышали о моих платьях. Мне это интересно.

Иветт бросила на Максимилиана быстрый взгляд через плечо. Взгляд был коротким, но он всё понял. Затем она улыбнулась графине — робко, тепло — и последовала за ней вглубь бутика.

Максимилиан остался у входа. Ширлисса принесла ему шампанского в тонком бокале, и он взял его, больше чтобы занять руки. Сделал глоток. Оно было дорогим, сухим, с лёгкой горчинкой. Он не чувствовал вкуса алкоголя.

Сколько времени прошло после этого? Максимилиан сбился со счёту. Час? Два? Три?

Он сидел в глубоком кресле у витрины, листал какую-то модную газету, которую сам же и взял со столика, и снова, и снова поднимал глаза на дверь примерочной. Оттуда доносились голоса — женские, оживлённые, с всплесками смеха. Иветт что-то рассказывала. Графиня что-то отвечала. Слов было не разобрать. Только интонации — тёплые, доверительные.

Максимилиан улыбался. Кивал Ширлиссе, когда она проходила мимо. Хвалил ткань. Спрашивал о ценах. Изображал идеального брата — терпеливого, щедрого, немного скупающего. В общем, стал кошельком в обществе дам. Не более.

Это было утомительно. И скучно. Он вспомнил Канну вновь.

Сейчас ей шестнадцать. Стоит ли ему однажды и её отвести в такое место? В бутик? Показать ей столицу? Купить ей платье? Или украшение?

Наконец дверь примерочной открылась.

Иветт вышла — уставшая, но довольная. За ней шла графиня, и на её лице не было и следа прежней надменности. Она улыбалась — искренне, тепло. Как тётка, которая нашла любимую племянницу.

Иветт держала в руках несколько больших коробок и свёртков. Ширлисса шла следом, нагруженная не меньше.

— Брат, благодарю за вашу щедрость, — Иветт сияла.

— У вас брат что надо, — сказала она, обращаясь к Иветт. — Заходите ещё, милочка. И жду вас у себя послезавтра на чашечку чая. Вы просто обязаны познакомиться с моими графинями.

Максимилиан чуть приподнял бровь, но промолчал. Женское чаепитие. Мужчин туда не приглашают. Это был мир дам — мир сплетен, интриг и лёгких разговоров за фарфоровыми чашками. Мир, куда мужчине вход закрыт. Даже брату.

— Буду ждать с нетерпением, — Иветт присела в реверансе. — Для меня такая честь.

Они попрощались — тепло, искренне, как умела только Джессика. Подхватив Максимилиана под руку, Иветт повела его к выходу. Гора покупок едва поместилась в карету.

Дверца закрылась. Карета тронулась. И в ту же секунду милашка Джессика исчезла.

Иветт откинулась на спинку, сняла перчатки, положила их на колени. Лицо разгладилось, стало спокойным, собранным. Глаза — прежние, рубиновые, холодные.

— Успех? — спросил Максимилиан.

— Да. — Она достала из сумочки листок, написала что-то быстрым, уверенным почерком и протянула ему. — Завтра поедешь по этому адресу. Один.

Максимилиан взял листок. Адрес в южной части города.

— Улица Савиловская? — переспросил он.

— Графиня упомянула вскользь. — Иветт смотрела в окно.

— А чаепитие?

— Чаепитие — это моё дело. — Она сняла парик, и золотые волосы рассыпались по плечам. — Ты туда не пойдёшь. Мужчин на такие встречи не приглашают. Это было бы странно. Нам не нужно лишнее внимание.

— Тогда что я должен делать?

— Наблюдать. — Она снова стала деловой. — Может найдёшь что-нибудь интересное, кто знает?

Максимилиан посмотрел на неё. Ту же девушку, что минуту назад краснела и запинаясь перед графиней. Ту же, что гладила его по руке и называла братцем.

— Как вы быстро вышли из образа, юная госпожа. — Он усмехнулся. — Вы, случаем, не актриса театра?

Иветт хитро усмехнулась.

— В нашей работе и не такое бывает. Вы тоже были хороши в роли. Она пришлась по душе?

— Так вы знали, что у меня есть сестра?

Иветт посмотрела на него внимательно. Долго. Карета покачивалась, колёса стучали, за окном проплывали дома.

— Максимилиан Халгрейм, — сказала она наконец. — Хорошая игра выходит лишь тогда, когда актёр сам живёт игрой. Понимаете, к чему я?

— Сколько же вы обо мне уже знаете? — тихо спросил он.

— Риторический вопрос?

Иветт улыбнулась. Но глаза остались ледяными — независимо от алого цвета. Она чуть наклонилась вперёд.

— Сослужите мне хорошую службу. Оставайтесь в неведении о том, сколько же я о вас знаю.

Максимилиан сглотнул.

Это была не просьба. Это была угроза. Прямая, без обиняков. Она не сказала этого вслух. Но он услышал. Отчётливо. Шаг в сторону и он будет на прицеле.

Следующий день начался с новой формы. Максимилиан надел её без спешки — тёмно-синий мундир подпоручика, начищенные до блеска пуговицы, фуражка с кокардой, из-под которой торчали белые пряди волос. Жёсткий воротник привычно давил на шею. Максимилиан поправил его перед зеркалом и на миг замер. В отражении стоял подпоручик Халгрейм.

Улица Савиловая встретила его шумом. Но не таким, как он ожидал. Максимилиан думал, что это будет мрачный переулок, где-нибудь на окраине, с глухими стенами, редкими прохожими и подозрительными личностями, которые прячутся в тени. Он готовился к чему-то опасному, к месту, где сама атмосфера пропитана криминалом. А вместо этого перед ним развернулось огромное торговое сердце столицы — лавки, магазины, бутики, обыкновенные торговки с корзинами и именитые торговцы с тросточками. Здесь пахло рыбой, специями, дёгтем, пылью и деньгами. Где деньги — там и мошенники. Где много людей — там их ещё больше. Но это было открытое, людное, почти праздничное место. Максимилиан на секунду растерялся. Он не ожидал такого. Улица Савиловая оказалась не логовом, а базаром. И от этого становилось только непонятнее, зачем Иветт отправила его именно сюда.

Он шёл не спеша, но взгляд работал сам собой: цеплялся за слишком ровные спины, за нервные пальцы, за глаза, которые прятались под шляпами. Полицейский мундир действовал как фонарь. Одни отводили взгляд, другие улыбались слишком широко, третьи замолкали на полуслове.

Что хотела Иветт? Он не знал. И это раздражало больше всего. Она не открыла карты. Не сказала прямо: «Ищи то, не знаю что». Просто дала адрес и оставила одного. В ином случае — если бы доверяла — давно бы объяснила, что именно он должен здесь найти. А так... либо проверяла, либо подставляла, либо и то и другое сразу. Максимилиан потёр лоб. Голова гудела, а мысли путались, как пряжа в корзине очередной торговки. Максимилиан давно не ощущал себя глупцом. Вовсе нет, он был очень умён. Но графиня Равилофт то и дело заставляла врасплох. Это сбивало с толку. Максимилиан пытался найти объяснение её действиям, но образ непредсказуемости девушки давил сильнее рациональных мыслей.

Он бродил по улице туда-сюда. Слушал обрывки разговоров: «...к четвергу...», «...тот господин был...», «...сама графиня...». Слова цеплялись, но не складывались в целую картину. Обычные сплетни или новости из газет летали на слуху. Он видел, как приказчик одной из лавок слишком часто поглядывал на дверь; как дама с собачкой покупала безделушки, но не сводила глаз с ювелирного прилавка; как мальчишка-карманник ловко срезал кошелек у зазевавшегося торговца. К полудню усталость навалилась на плечи. Он облокотился у стены неподалёку от прилавка с драгоценностями. Золото, серебро, дешёвые камни, которые выдавали себя за благородные, — всё это блестело на солнце, обещая то, чего не было. Ювелир, худой мужчина с быстрыми пальцами и бегающими глазами, перебирал товар и то и дело косился на улицу. Максимилиан закрыл глаза на секунду, но не перестал слушать. Где-то в глубине рынка снова прозвучало слово «графиня». Он чуть повернул голову.

Около того самого торговца стояла фигура в плаще. Обычное дело на улицах — странники и рыцари носили такие. Но что-то напрягло. А именно — раздражённое лицо продавца. Максимилиан прислушался.

— Так и передайте графине... — Мужчина резко снизил тон, когда почувствовал, что перешёл на крик. — Передайте графине, что больше дел я с ней не веду.

— Но вы по договору были обязаны предоставить всё к аукциону, — фигура в плаще была непоколебима.

Голос из-под капюшона звучал ровно, без эмоций. Слишком ровно. Так говорят люди, которые привыкли, что их слова — закон. Или те, кому платят за то, чтобы они не сомневались.

— Вы... да вы с ума сошли! — Торговец дёрнулся, бросил взгляд по сторонам — не слышит ли кто. — Забирать его товар — это просто самоубийство. Я не готов умирать ради такой суммы.

— Она может...

— Ничего слышать не хочу! — Он рубанул рукой воздух. — Даже если утроит моё состояние. Говорю вам, никто не согласится выкрасть товар у Вельда. Сами слышали — уже все там знают, сколько оружия он скупил. Не говоря уже о работоторговле.

— Слухи — лишь слухи. Без доказательств, — фигура в плаще не унималась.

— Мои источники никогда не врут. — Торговец понизил голос до шёпота, но Максимилиан всё равно разобрал каждое слово. — Если графиня пойдёт дальше — до добра не доведёт. Убьёт и не подумает.

Фигура в плаще помолчала. Потом чуть склонила голову — то ли в знак согласия, то ли в знак того, что разговор окончен. Развернулась и растворилась в толпе — быстро, бесшумно, будто её и не было.

Торговец остался у прилавка. Бледный, злой, с трясущимися руками. Он что-то пробормотал себе под нос, сплюнул и принялся закрывать лавку — поспешно, нервно, то и дело оглядываясь через плечо.

Максимилиан услышал всё правильно.

Стоит ли ему проследить за торговцем? Да. Определённо стоит.

Он неспеша подошёл к лавке, изображая обычного покупателя — хоть и в полицейской форме. Торговец в это время стоял спиной к прилавку, доставая новые безделушки из коробки. Пальцы у него всё ещё подрагивали — после разговора с фигурой в плаще прошло не больше десяти минут.

— Какая красота у вас тут, — спокойно и размеренно произнёс Максимилиан.

Торговец начал разворачиваться. Сначала безразлично — привычным движением человека, который каждый день слышит комплименты своему товару. Потом увидел форму. Потом — лицо. И резко подскочил на месте, едва не опрокинув коробку.

— Ох, здравствуйте, господин! — Голос дал петуха. Он откашлялся. — Что вас привело в мою лавку? Подарок? Или просто присматриваетесь?

Максимилиан отметил всё: и то, как дёрнулось горло торговца, и то, как он вцепился в край прилавка, и то, как его глаза на секунду метнулись к выходу. Нервный. Ещё нервный. Значит, можно давить — понемногу, аккуратно. Такой человек легко выдаст то, что скрывает, если правильно надавить. Или — если он решит, что уже в безопасности.

— Просто знакомлюсь с ценами, — ответил Максимилиан с той же спокойной улыбкой. — Вы угадали. Хочу в будущем прикупить подарок одной юной леди.

— Тогда как насчёт подобрать что-то под цвет глаз?

— Хотел бы. Но для начала подскажите — что из этого настоящие камни?

Торговец занервничал. Это было видно: по тому, как он забегал глазами по прилавку, по тому, как сжались пальцы, по тому, как голос стал чуть выше.

— Что вы имеете в виду? — Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Как указано на прилавке, все камни — настоящие. Я не торгую подделкой!

— Ваши работы и вправду искусные, — Максимилиан чуть наклонил голову. — Не считите за грубость. Спросил на всякий случай.

Продавец откашлялся. Видимо, он знал Максимилиана по газетам — по тем самым статьям, где его называли адской ищейкой, где писали о его подвигах, о том, как он в одиночку

задерживал опасных преступников. Он смотрел на него и, кажется, пытался понять: это просто визит вежливости или начало конца.

— Вы тут проездом? — спросил торговец, стараясь говорить небрежно. — Обычно все местные доверяют мне как ювелиру.

Максимилиан отметил этот вопрос. Проверяет. Хочет знать, надолго ли он здесь, будет ли мешать, можно ли продолжать дела или пора затаиться.

— И да и нет, — ответил он ровно. — Меня перевели по службе. Так что теперь частенько буду заглядывать.

Он сказал это нарочно. Смотрел торговцу прямо в глаза и видел, как тот бледнеет. Люди, связанные с криминалом, знают его лицо. Знали и здесь. Но в новостях ещё не было известно, что его перевели в столицу. Значит, теперь торговец — и все, кто с ним связан — будет вести дела где-то в более укромном месте. Будет осторожнее. Будет прятаться.

А это как раз то, что нужно. Так легче выследить. Так легче поймать без лишнего шума. Так ведь?

Максимилиан улыбнулся — вежливо, спокойно, ничем не выдавая своих мыслей.

— Что ж, — сказал он, — поможете мне с выбором?

— Конечно-конечно. По какому поводу дарите? Возлюбленной или родственнице?

— Подруге. Хочу поблагодарить за помощь.

— Ох... В таком случае вот это кольцо. Очень скромное, но вполне изысканное. Оно наполнено самоцветами, значение которых — искренняя благодарность и ценность.

Максимилиан взял кольцо в руки. Тонкая работа. Камни небольшие, но огранённые со вкусом — каждый ловил свет и держал его внутри, как каплю воды.

— Вы даже о таких мелочах знаете? — Он поднял глаза на торговца. — Вы очень наблюдательны к клиентам, господин...?

— Газ Нейпер. — Торговец коротко поклонился. — Благодарю. Всегда стараюсь подмечать мелочи.

— Профдеформация? Понимаю. Я тоже к этому близок. Люблю наблюдать за людьми. — Максимилиан улыбнулся — легко, почти дружески. — Понимаете, служба — дело тяжёлое.

Глаза Газа забегали. Он явно пытался понять, как давно за ним наблюдает Максимилиан. Секунду назад, минуту, час? Стоял ли он здесь, когда приходила фигура в плаще? Слышал ли он что-нибудь? Он сглотнул и нервно посмеялся.

— И не говорите... Кхм, мы с вами как будто живём на работе.

— Извините за столь большое любопытство, — Максимилиан чуть наклонил голову, — а кто поставляет вам эти драгоценные камни? Не раскроете секрет?

— А... я... это...

— Вам же нечего скрывать? — Максимилиан сделал шаг вперёд. — Вы же сами изготавливаете украшения. Ваше мастерство вряд ли кто-то переплюнет, даже зная, откуда самоцветы. — Ещё шаг. Он подошёл почти вплотную и сощурил глаза. — Или всё-таки с камнями что-то не так? Хотя такой трудяга, как вы... вряд ли будет нечестен со своими покупателями. Правда?

Купец отшатнулся. Спиной он врезался в стеллаж за прилавком, и несколько маленьких коробочек упали на пол. Он даже не обернулся. Смотрел на Максимилиана — широко, испуганно, как кролик на удава.

— Помилуйте... Пожалуйста, я ничего плохого не делал. Правду говорю. У меня дочь, я не могу в тюрьму...

Он вошёл в панику. Слова сыпались из него, как горох из прохудившегося мешка. А Максимилиан ухмыльнулся — коротко, довольно. Он не любил запугивать. Но иногда это было нужно. Иногда это было единственным способом вытащить правду из человека.

— Ну что же вы, — сказал он мягко. — Кто же говорит про тюрьму? Ответите на пару вопросов — и всё. Что скажите?

Купец панически закивал. Голова задёргалась вверх-вниз, как у заводной игрушки.

— Отлично. — Максимилиан кивнул в сторону двери за прилавком. — Тогда давайте зайдём внутрь вашего ларька. Вряд ли вы хотите лишнего шума.

Газ Нейпер посмотрел на дверь. Потом на улицу. Потом снова на Максимилиана. В его глазах металась мысль — бежать или подчиниться. Бежать было некуда. Подчиниться было страшно.

Он выбрал второе.

Дрожащими руками он отпер дверь, ведущую в подсобку, и первым шагнул внутрь. Максимилиан — за ним. Дверь закрылась, отрезав их от шума улицы, от любопытных глаз, от чужих ушей.

Внутри было тесно. Полки с коробками, верстак с инструментами, лампа под зелёным абажуром. Пахло металлом и маслом. Газ Нейпер стоял у верстака, вцепившись в его край, и смотрел на Максимилиана так, будто ждал приговора.

Максимилиан снял фуражку и положил её на стол.

— Итак, господин Нейпер. Расскажите мне о ваших никогда не врущих источниках.

— Ваша милость... О... о чём в...

Он не договорил.

Пара суровых голубых глаз метнулась в его сторону. Свет лампы падал на Халгрейма так, будто он ангел, пришедший покарать виновного. Глаза буквально блестели в свету, казавшись ненастоящими — слишком яркими, слишком холодными. И это напугало купца больше всего. Не угрозы. Не форма. А этот взгляд. Спокойный. Пустой. Как у хищника, который уже решил, что ты — его добыча.

— Не испытывайте моего терпения, — тихо сказал Максимилиан. — Вам же легче будет, если мы с вами подружимся. Так?

На лице не было доброй улыбки. Ни тени. Только угрожающая аура, наполнившая тесную подсобку, как дым от тлеющего фитиля. Газ Нейпер вжался спиной в стеллаж.

— Я... В... Вам нужен мой информатор...? Я... я не...

— Похоже, мы с вами не поладим. — Максимилиан выпрямился и потянулся за фуражкой. — Жаль.

Он хотел было уйти. Медленно, не спеша. Дал Газу секунду. Две. Три.

— Это... я вам дам адрес... — Голос купца сорвался на шёпот. — Только не говорите, что это я его сдал. Молю...

Максимилиан остановился. Обернулся через плечо — и улыбнулся. На этот раз улыбка была. Но не добрая. Пугающе невинная. Такая, от которой по спине бегут мурашки.

— Как я рад, что вы передумали, — сказал он мягко. — А то мне бы пришлось пойти по старинке и проследить за вами.

Он дал этим словам повисеть в воздухе. Газ сглотнул. Он понял — так и так узнал бы. Рано или поздно. Слежка или допрос, но информация была бы у Максимилиана. Прямо сейчас или через день. Разница только в том, сколько нервов бы потратил купец.

— Правильный выбор, господин Нейпер.

Мужчина был в поту. Казалось, он поседел прямо на глазах — виски стали серыми, лицо осунулось. Смирено он взял бумажку из записной книжки, лежавшей на верстаке, и написал нужное место. Руки дрожали так, что буквы выходили кривыми.

— Прошу... я ничего не...

— Надеюсь, что вы мне не врёте. — Максимилиан взял бумажку, пробежал глазами и убрал в карман. — В любом случае узнаю. Так что советую быть... Впрочем, благодарю за содействие.

Он надел фуражку и вышел. Дверь подсобки закрылась за ним с тихим щелчком. Газ Нейпер остался стоять у верстака — бледный, трясущийся, смотрящий в пустоту. Он ещё долго не мог заставить себя пошевелиться.

Максимилиан вышел из лавки на улицу. Солнце клонилось к закату, рынок постепенно пустел. Торговцы сворачивали лавки, покупатели расходились. Он сунул руку в карман, нащупал бумажку. Он пошёл к жилью. Усталый, но довольный.

Глава 6

— Максимилиан, да вы золотце. Даже не придётся мне идти на это чаепитие.

Иветт радостно улыбалась, откинувшись на спинку кресла. В их общем кабинете было тепло — солнце заглядывало через высокие окна, ложилось на столы, на бумаги, на её волосы. Сегодня она не носила парик. Золотые пряди были собраны в небрежный узел, и несколько тонких прядей выбились, касаясь щеки.

Максимилиан стоял перед её столом, только что закончив отчёт. Он рассказывал сухо, по делу: ювелир, фигура в плаще, разговор, адрес информатора. Иветт слушала, не перебивая, и по мере рассказа её улыбка становилась всё шире.

— Вы разве не хотели пойти? — спросил он.

— Ещё чего. У меня дел не хватает?

Она сегодня явно была в хорошем расположении духа. Максимилиан поймал себя на мысли: когда это они успели сблизиться, раз она перестала фамильярничать? В поезде — «господин Халгрейм». В участке — «подпоручик». А теперь — просто «Максимилиан». И «золотце». Он не знал, что изменилось.

— Ну вы же молодая леди, — сказал он.

— Молодые леди не ловят преступников по поручениям его высочества наследного принца.

Иветт уже разглядывала другие бумаги — вытянула из стопки очередной лист, пробежала глазами, отложила в сторону. На столе у неё был порядок, понятный только ей одной: три стопки, две папки, чернильница, перо, чашка с остывшим чаем.

— Садись, — сказала она, не поднимая глаз. — Сегодня скучно. Посидим с документами.

И вправду — в отличие от прошедших дней, которые свалились как снег на голову, этот день казался самым размеренным. Никакой беготни и загадок, лишь размеренная работа с бумагами, проверками и иной волокитой. Максимилиан впервые радовался такой работе. В отличие от прошлого участка, где было всё наоборот — куча бумаги и минимум дел, зато каких. За эти несколько дней он чувствовал усталость. Грубо говоря — как будто он работал неделю без перерыва.

Он выдохнул, заполнив очередную бумажку, и на секунду взглянул на соседний большой стол своего руководителя — графини Равилофт.

Бумаг там было вдвое, а то и втрое больше, чем у него. Но что его больше заинтересовало — те рубиновые глаза.

В этом мире было нормой иногда встречать необычную внешность. Розовые волосы, жёлтые глаза, белёсая кожа — люди рождались такими. Никто не видел в этом ничего странного. Но рубиновые глаза были такой редкостью, будто иголка в стоге сена. Он случайно засмотрелся. В тёплом дневном свете они казались особенно яркими — как два камня, в которых горит огонь.

— Нравится? — спросила Иветт, даже не посмотрев в его сторону.

Максимилиан вздрогнул. Она не видела его. Она просто знала. Как всегда.

— А если скажу, что да? — ответил он.

Он впервые ответил на игру юной дамы. Не отшутился, не ушёл в сторону, не сделал вид, что не понял. Просто ответил. Иветт медленно подняла голову. В её глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес? Он не успел разобраться.

— В таком случае я сочту это за флирт, — сказала она. — Но вряд ли вы смотрели на меня из таких побуждений.

— Ха-ха-ха. Вы в своём репертуаре, госпожа Равилофт.

Максимилиан и не скрывал, что говорил не всерьёз. Но в его голосе было что-то ещё. Любопытство? Он сам не понял.

— Репертуаре? — Иветт чуть склонила голову набок. — Вы разве хорошо меня знаете?

— Нет. Но очень интересен один феномен.

— Извольте.

Он отложил перо. Посмотрел на неё внимательно.

— Ваши глаза при первой встрече... Они же были зелёного цвета. Как вы это провернули?

Иветт замерла. Всего на секунду. Но он заметил.

Дело было в том, что в этом мире ещё не изобрели линзы. Тем более не говоря уж о цветных.

— Лишь маленькая женская тайна, — ответила Иветт.

Улыбка вернулась на её лицо — лёгкая, игривая, непроницаемая. Но взгляд стал другим. Настороженным. Она явно намекала, что разговор должен оборваться. Но почему? Какая тайна в этой смене глаз?

Максимилиан не стал настаивать. Он просто кивнул и вернулся к работе. Посмотрел на Иветт ещё раз — девушка уже снова читала бумаги, и на её лице не было ни следа недавней настороженности. Будто ничего и не было. Будто ему показалось.

В кабинете стояла тишина, раздражаемая лишь чирканьем пера и шуршанием листов. Периодически заходили разные служащие — забирали очередную партию важной макулатуры, кланялись, исчезали. Они поочерёдно прерывались на отдых — чай, кофе. А иногда служанки приносили десерты, подаренные очередным поклонником Иветт.

Хоть графиня и владела устрашающими навыками и леденящим душу списком подвигов и закрытых дел, она всё-таки была молодой девушкой на выданье. И даже Максимилиан не мог врать о её красоте. Но что странно — она запрещала к ним притрагиваться. Даже выкидывала, не вкусив ни кусочка. Максимилиан задумался: ей было противно? Или недоверие к коллегам? Но по какой причине — очередная загадка, которую Халгрейм решил опустить.

«Нет, сегодня я, пожалуй, отдохну от этого сумасшествия», — подумал он.

— Сегодня вечером я вас познакомлю, — Иветт нарушила тишину, оторвавшись от очередной стопки и взяв чашку с чаем.

— Познакомите? С кем?

— Халгрейм, не стройте глупого. Я знаю о ваших умственных способностях.

И вправду — Халгрейм сразу понял, что речь была о наследном принце.

— Не мог же я казаться бескультурным, говоря о его высочестве Эндрю Блойме.

— Можете при мне так сильно не волноваться о словах. — Графиня отпила из чашки.

— Тем более не вы ли выругались при нашем официальном первом знакомстве?

Девушка даже не посмотрела в его сторону, но на её лице была усмешка.

— Вы... Да вы... — Максимилиан потёр переносицу и улыбнулся. — Вы невыносимы, графиня Равилофт.

— Спасибо? — Она посмеялась.

— Могу задать вопрос?

— Если вы хотите знать о причинах, почему именно вы, то что вы думаете об этом?

— Вы меня читаете, словно открытую книгу. Я и правда так беспечен?

— Нет. Просто я очень умна. — Девушка улыбнулась и облокотилась на стол.

— Рад слышать. Тем не менее, вам было нужно новое способное доверенное лицо. Не так ли?

Ответа не последовало, но взгляд дал понять, что он был прав.

— Неужели вы планируете возвести его выс...

Но он не договорил. Руки девушки прикрыли его рот. Мягко, но настойчиво. Максимилиан оцепенел. Она наклонилась к нему, так близко, что он почувствовал запах её духов — что-то свежее, едва уловимое. И прошептала на ухо:

— Будьте осторожны с тем, где и о чём говорите. Здесь всё сложнее, чем было в Глоербурге. Даже если кажется, что мы наедине — это не так.

Она отстранилась. И сразу же — громко, будто нарочно, будто для чужих ушей — сказала с лёгкой, игривой улыбкой:

— Я просто падка на молодых, симпатичных и умных мужчин.

— Кхм... Госпожа Равилофт... — он откашлялся, выравнивая голос. — Давайте вернёмся к работе.

Она кивнула. Села обратно. Взяла перо.

И через секунду кабинет снова наполнился тишиной — только чирканье пера, шуршание листов да редкие шаги в коридоре. Однако снова, вопреки желанию не думать о загадках, голова Максимилиана набухла мыслями.

Он размышлял про себя:

«В начале книги не было ничего, что описывало бы политическую позицию. Известно лишь пару фактов: император, его почивший старший брат, чьё место он занял, и два сына нынешнего императора — кронпринц и наследный. По светскому обществу, в котором я вращался до отречения от титула и имени семьи, было две оппозиции — те, кто верен кронпринцу, и их было подавляющее большинство, и те, кто хочет воздвигнуть на трон наследного младшего брата, считая кронпринца угрозой для империи».

Он посмотрел на часы, висевшие напротив его стола. Потом на дверь. Выдохнул и откинулся на спинку стула, скрестив руки и закрыв глаза.

«После появления Иветт Равилофт в качестве правой руки Эндрю Блойме часть знати пересмотрела своё мнение, и наследный принц обрёл больше союзников. Они и впрямь планируют совершить переворот, воздвигнув младшего наследника? Но в таком случае зачем им я?»

Он открыл глаза и посмотрел на казавшуюся хрупкой девушку. Она сидела, склонившись над бумагами, и перо в её руке двигалось быстро, уверенно. Ни тени усталости. Ни следа сомнений. Она знала, что делает.

Максимилиан встал.

— Я немного передохну, если вы не против.

Юная леди лишь махнула рукой в знак согласия, не отвлекаясь от чтения.

Молодой подпоручик вышел в коридор. Прислонился к стене, закрыл глаза. Мысли не отпускали:

«Что-то мне совсем не нравится то, куда я ввязался. Графиня Равилофт держит меня на мушке пистолета, зная гораздо больше, чем я могу предположить. До октября осталось полмесяца. Что, если я не смогу предотвратить свою смерть — и теперь она будет связана с ними? Можно ли им доверять? Или я — расходное мясо для одного из этапов смены власти?»

Он стоял в пустом коридоре, чувствуя, как прохлада стены проникает сквозь тонкую ткань мундира. Тишина давила на уши. Где-то далеко, за поворотом, стучала пишущая машинка — мерно, безостановочно, как метроном. Хоть и раньше Максимилиан чувствовал облегчение оттого, что изменил сюжет, сейчас он понял, что эти изменения не гарантировали безопасность. Теперь Халгрейм чувствовал: время сжимается. Как пружина. Как удавка на шее. И чем ближе он подбирался к разгадке, тем сильнее запутывался в чужих играх. Кто его враг, а кто друг? Он открыл глаза. Коридор был пуст. Его взгляд метнулся в сторону кабинета:

«Ладно, пора возвращаться. Хоть госпожа Иветт достаточно скрытна, возможно, сегодня вечером я узнаю что-то, что даст мне больше информации».

Он оттолкнулся от стены и пошёл обратно. Иветт подняла голову, когда он вошёл. В её рубиновых глазах мелькнула тень — короткая, как вспышка. Она заметила что-то в его лице.

— Отдохнули?

— Да, — ответил он. — Спасибо.

Он посмотрел на неё ещё раз. Она сидела, склонившись над очередным листом, и золотые пряди падали ей на лицо. Хрупкая. Молодая. Красивая. И смертельно опасная. Максимилиан Халгрейм вспомнил её слова в поезде: «Связи налаживать стоит до того, как кто-то станет крупной фигурой». Тогда он не придавал значения. Теперь — сомневался.

Тогда, в вагоне-ресторане, графиня казалась ему просто интересной. Просто связью, которую стоит завести на будущее. Он принял это за пустую светскую болтовню. За игру, в которую играют все, у кого есть амбиции. Но теперь, девушка могла стать его будущим палачом или сильным союзником.

— Можете не садиться, — Иветт вывела его из мыслей.

Солнце за окном почти село, и кабинет тонул в сумерках. Лампа на её столе горела ровно, освещая тонкие пальцы, перебиравшие листы.

— Я закончила с работой раньше, — сказала она, не поднимая глаз. — Поедем сейчас.

— Как скажете, — ответил он.

Молодой подпоручик поправил мундир, взял фуражку со стола. Иветт накинула на плечи лёгкую накидку — тёмную, без украшений, — и направилась к двери. Они вышли на улицу. Вечерний воздух ударил в лицо прохладой. У ворот их ждала карета. Кучер открыл перед ними дверцу и почтительно склонил голову. Иветт села первой. Максимилиан — за ней. Дверца закрылась. Карета тронулась.

Глава 7

Хоть они вновь приехали на территорию поместья наследного принца, в эту его часть Максимилиан попал впервые. Не говоря о том, что и самого наследного принца он видел лишь на портретах и в газетах.

Переживал ли он? Ответить на этот вопрос было сложнее, чем сказать, сколько будет два плюс два. Он не боялся. Но что-то внутри — глубоко, под рёбрами — сжималось. Как перед прыжком в холодную воду. Как перед первым выстрелом.

Особняк с этой стороны был более роскошным. Высокие потолки, мраморные лестницы, золочёные перила. Прислуги оказалось заметно больше, чем в той части, где жил бывший герцог. Лакеи в белых перчатках, горничные с опущенными глазами. Все двигались тихо, будто по маслу.

Иветт проводила мужчину до кабинета его высочества. Длинный коридор, тяжёлые двери, портреты на стенах — суровые лица, тёмные рамы. У последней двери она остановилась.

Максимилиан немного помедлил. Сглотнул. Постучал в мощёную резную дверь.

Графиня усмехнулась — коротко, одобрительно — и отворила дверь сама.

— Доброго вам вечера, ваше высочество.

Она зашла первой.

Кабинет был огромным. Высокие окна, тяжёлые шторы, большой резной стол у стены. Диван для посетителей, обитый тёмным бархатом, и высокое кресло, покрытое шёлком. На стенах — карты, гравюры, книжные шкафы до потолка.

В кресле сидел молодой мужчина. Лет двадцати. Красивый белый костюм с золотыми пуговицами, чёрные вороньи волосы, уложенные со вкусом, и пронизательные серые глаза — как затянутое облаками небо после дождя. Он смотрел на вошедших спокойно, без улыбки, без приветствия. Просто смотрел. И от этого взгляда хотелось выпрямить спину.

Он сразу показался могущественным. Несмотря на молодость. Будто он уже владел миром — или знал, что однажды будет.

«Так и должно ощущаться присутствие члена императорской семьи?» — промелькнуло у Максимилиана.

Он поклонился.

— Здравствуйте, ваша светлость. Я подпоручик Максимилиан Халгрейм. Очень рад знакомству.

— Я знаю, кто вы, господин. — Принц чуть наклонил голову. — Проходите. Нам пора поговорить.

Он указал на диван, где уже спокойно расположилась Иветт. Она сидела, закинув ногу на ногу, и смотрела в окно — будто её совершенно не касалось то, что здесь происходило. Максимилиан прошёл и присел рядом. Дверь закрылась с мягким щелчком, отрезав их от коридора, от прислуги, от чужих ушей.

Атмосфера тяготила. Но времени бояться не было.

— Видите ли, Максимилиан, — принц говорил мягко, но в голосе чувствовалась сталь, — я хочу знать, что вы за человек. И могу ли я вам доверять. В отличие от моей верной помощницы, я не люблю шантажировать людей.

Он бросил короткий взгляд на Иветт. Та даже не обернулась.

— Можете мне не рассказывать о том, что вы делали и кем являлись, откуда пришли. Это я всё и так знаю. Ваши цели. Каковы они?

Максимилиан смотрел на него. Прямо. Без улыбки. Юлить сейчас было бы глупо. Этот человек знал всё. Или почти всё. И ждал честности — или хотя бы её подобия.

— Я хочу жить, ваше высочество.

Принц кивнул. Медленно. Будто именно этого ответа и ждал.

— Разве для этого тогда требовалось переводиться в столицу? Вы могли отказаться. И жить спокойной жизнью.

— Перед спокойной жизнью я хочу по квитаться кое с кем.

— Интересно. — Принц откинулся в кресле. — Что ж, про дела вашего отца я знаю. Видимо, эта информация для вас тоже не новость?

— Да. Я осведомлён продолжительное время.

Максимилиан напрягся. Принц знал слишком много.

— Такие, как ваш отец, — принц чуть подался вперёд, — оскверняют нашу империю. К сожалению или к счастью, он является одной из важных опор моего брата.

Он посмотрел на Иветт.

— Думаю, наша мышка уже дала вам пищу для размышлений?

Максимилиан перевёл взгляд на графиню. Та по-прежнему смотрела в окно, крутя прядь золотых волос на пальце. Будто разговор её не касался. Будто она уже знала всё, что будет сказано.

— Вы хотите занять престол? — спросил Максимилиан.

— Всё так.

Принц улыбнулся. И эта улыбка была устрашающей. Не злой. Не жестокой. Просто уверенной. Так улыбается человек, который давно всё решил и не собирается отступать.

— Я хочу предложить вам сделку. Чтобы у вас было желание работать на меня. И гарантия, что вы не станете мертвецом на растерзание политических игр. Вы же хотели жить?

— У меня есть причины вам верить?

— Доверие — основа моей с вами работы. Но согласен, для него нужно подспорье.

Принц встал. Подошёл к столу, взял лист бумаги и вернулся к дивану. Положил лист на столик перед Максимилианом.

— Ознакомьтесь. Думаю, вас это заинтересует.

Максимилиан взял лист. Официальный бланк. Печать. Размашистая подпись.

«Приказ о назначении поручика Халгрейма на должность личного порученца наследного принца Эндрю Сильбастера Блойме».

Заверено печатью императорской семьи.

Максимилиан слегка сжал лист. Пальцы дрогнули — едва заметно. Такой документ значил прямое покровительство члена императорской семьи. А это защита. Любой, кто посягнёт на его жизнь, станет врагом императорской семьи.

Но давало ли это защиту против членов императорской семьи? Нет.

И это напрягало.

— Давайте так, — принц снова сел в кресло. — В моём желании — если герцог Халгрейм потеряет ту власть, которая ему дана, и его поддержка, а точнее её отсутствие, моему двоюродному брату переломает множество планов. Сами знаете, Эмилиано Халгрейм является представителем знати северной части империи.

У ищейки перехватило дух.

— Кронпринц — ваш двоюродный брат?

— Я боялся, что вы не спросите. — Принц чуть улыбнулся. — Император Экберт — мой дядя. Мой настоящий отец — бывший император Элиус Блойме.

— У вас есть доказательства ваших слов? — Полицейский внимательно изучал лицо принца. Он не спрашивал из недоверия. Он спрашивал потому, что привык проверять всё. Даже то, что казалось невозможным.

— Скажу так: у меня есть вещественные доказательства. И документы, подтверждающие это.

— Могу я проверить? Вдруг это ваш метод безоговорочно подчинить меня. — Верить наслову вне зависимости от положения человека — самая большое невежество и глупость.

— Иветт, — Эндрю махнул рукой в сторону девушки, заставив ту поднести папку и вернуться на своё место. — Вы можете проверить на подлинность. Препятствовать не буду.

Максимилиан был поражён. Одним взглядом он разглядел оборванную фразу: «Ферония Блойме родила вам сына, ваше превосходительство». Человек перед ним явно держал козыри, но не врал. Картина мира ломалась.

Это было как удар под дых. Как обвал. Как если бы земля под ногами вдруг оказалась тонким льдом — и он треснул. Везде говорилось, что они сыновья нынешнего императора. Везде одно и то же — два сына, два наследника. Кронпринц Этер и наследный принц Эндрю. Это была одна из тех истин, которые не подвергаются сомнению. Как то, что небо — синее. Никто не спрашивал, правда ли это. Никто не проверял. Потому что это было не нужно. Это было аксиомой.

И вот теперь этот фундамент рушился.

Эндрю — не сын Экберта. Эндрю — сын Элиуса. Покойного императора. Того, кто был до Экберта. Того, чья смерть была «безвременной». Того, чьё место занял младший брат.

Максимилиан смотрел на принца — на этого молодого мужчину с чёрными вороньими волосами и серыми глазами, — и видел его впервые. Не второго в очереди на престол. Законного наследника. Человека, у которого отняли трон.

В голове крутились мысли, обрывки фраз, вопросы. Если Эндрю — сын Элиуса, то кто тогда его мать? Ферония? Та самая императрица Ферония Блойме, которая «умерла от горя из-за потери мужа на войне»?

Это меняло всё. Не просто политическую ситуацию. Не просто расклад сил при дворе. Всё. Эндрю не боролся за власть из амбиций. Он боролся за то, что у него украли.

Максимилиан сглотнул. Горло пересохло. Руки подрагивали — он сам не заметил, когда это началось.

— Но чем могу помочь вам я? — спросил он наконец. — Дело моего отца — не первое и не последнее, что вам от меня нужно.

— Ха-ха-ха. — Принц рассмеялся — коротко, искренне. — Иветт, ты привела интересного парня. Вы правы. Что ж, скрывать не стану. Поддержка аристократии играет одну из ключевых ролей в престолонаследии. Вы полезнее мне живым, чем мёртвым.

Максимилиан посмотрел на принца. Его слова были чистой правдой. Он не пытался казаться лучше. Не пытался понравиться. Не играл в благородство. Он просто говорил как есть. Холодно. Расчётливо. Честно настолько, насколько может быть честен человек, который привык к власти и знает её цену.

И от этой честности становилось только страшнее. Потому что с честным противником всегда сложнее. Его нельзя переиграть. Он уже всё просчитал. За тебя. До тебя. Вместо тебя.

Проблемой было то, что Максимилиан теперь знал куда выше своего положения. И это стало его оковами.

Откажется — и есть шанс, что с ним что-то приключится на одном из заданий. Несчастный случай. Пуля в переулке. Нож в спину. Яд в чашке. Что угодно. Столица умеет прятать трупы. А принц умеет прятать концы в воду. Он не угрожал. Не говорил прямо. Но это читалось в каждом взгляде серых глаз. Откажешься — и не успеешь пожалеть. Просто исчезнешь. Как исчезали другие.

Согласится — и станет частью игры, из которой не выйти. Не потому, что не захочет. А потому, что не сможет. Слишком много он теперь знал. Слишком глубоко влез. Слишком много видел. Люди с такими знаниями не уходят на пенсию. Они уходят в землю. Или остаются на службе до конца — но не своего, а чужого.

Но сомнения одолевали.

Может ли человек, у которого бывший герцог лежал готовенький на блюдечке, предлагать сделку? Может ли тот, кому достаточно щёлкнуть пальцами, чтобы уничтожить любого врага, вести переговоры на равных? Фактически это был выбор без выбора.

Либо ты работаешь на меня — либо смерть постучится быстрее, чем ты успеешь вздохнуть.

Максимилиан был достаточно умён, чтобы осознать это. Достаточно опытен, чтобы не питать иллюзий. Достаточно жив, чтобы хотеть остаться живым.

Он смотрел на принца и понимал: это не предложение. Это приговор. Милостивый приговор. С отсрочкой. С возможностью работать. С шансом выжить. Но приговор.

Оставалось смириться. И выжить.

По крайней мере, его тогда ждёт премия. Арест отца. Тюрьма. Суд. Может быть — каторга. Может быть — виселица. Но главное — конец. Конец его власти. Конец его лжи. Конец его имени, которое он так долго таскал за собой, как кандалы.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я веряю вам свою жизнь, ваше превосходительство наследный принц.

Голос не дрогнул. Руки не задрожали. Он сам удивился, насколько спокойно это прозвучало. Будто он говорил не о своей жизни. Будто это была просто работа. Просто сделка. Просто ещё один шаг по дороге, которая началась в тот день, когда он очнулся в этом мире и понял, что должен умереть.

— Как славно, что вы согласились. — Принц улыбнулся. — Теперь нас связывают более прочные отношения. Не чудно ли?

Глава 8

Со дня разговора прошло два дня.

Максимилиана официально перевели и представили как уполномоченную левую руку его высочества наследного принца. Церемония была короткой — без лишнего шума, без пышных речей, без толпы придворных. Просто подпись, печать, короткий кивок принца и холодное рукопожатие. Но этого хватило. Слухи разлетаются быстрее, чем официальные бумаги. А уж когда дело касается наследного принца — тем более.

После этого в газеты специально выпустили пару громких статей. Максимилиан прочитал их утром, за завтраком, развернув свежий номер на коленях. «Новая опора его высочества», «Адская ищейка на службе короны», «Кто стоит за громкими арестами?». С намёками, с туманными формулировками, с осторожными эпитетами. Но достаточно прозрачными, чтобы каждый, кто умеет читать между строк, понял: наследный принц обзавёлся новым человеком. И не простым.

Эти действия подняли шум.

Авторитет Эндрю среди аристократии вырос — ведь на его стороне теперь были две весомые фигуры, которые держали в страхе преступность. Графиня Иветт Равилофт, чьё имя заставляло бледнеть даже самых отъявленных негодяев. И он — Максимилиан Халгрейм, адская ищейка, которая всегда добивается до сути, не выпустив из рук ни одного не решённого дела. Вместе они представляли собой силу, с которой приходилось считаться.

Часть знати обрадовалась таким переменам. Хотела чувствовать собственную безопасность. Улицы становились спокойнее, преступники — осторожнее, а это значило, что их кошельки и их жизни в большей сохранности. Эти люди писали письма с поздравлениями, присылали подарки, приглашали на приёмы.

Часть — испугалась. И поспешила подлизаться, чтобы избежать проблем в будущем. Эти люди тоже писали письма, тоже присылали подарки, тоже приглашали на приёмы. Но их улыбки были натянутыми, а взгляды — настороженными. Они не знали, что делать. Поддерживать наследного принца — значит навлечь на себя гнев кронпринца. Поддерживать кронпринца — значит навлечь на себя гнев наследного. Они метались, как крысы на тонущем корабле, искали, куда прибиться, и боялись ошибиться. Но принц до сих пор открыто не высказывал желания о престоле.

Это была скрытая игра. Достаточно заметная, чтобы её чувствовать — в улыбках, во взглядах, в полунамёках, в осторожных фразах. Но недостаточно явная, чтобы предъявить обвинение. У кронпринца Этера Блойме не было доказательств. Он не мог прийти к отцу и сказать: «Брат готовит переворот». Потому что брат не готовил переворот. По крайней мере, пока.

Но повод усомниться в брате появился.

И потому громкие дела стали отнимать. Чтобы уменьшить внимание к принцу. Чтобы лишить его ореола спасителя. Чтобы показать всем: не он один ловит преступников. Есть и другие. Есть кронпринц. Есть его люди. Есть его сила.

Первым забрали дело о контрабанде драгоценностей — старое, запутанное, но громкое. Потом — дело о подпольных игорных домах. Потом — о фальшивых векселях. Каждое новое дело уходило из рук Иветт, из рук её людей, из рук Максимилиана. Каждое новое дело переходило под управление тех, кто служил кронпринцу. Вежливо. С официальными бумагами. С формулировками, к которым не подкопаешься.

Иветт злилась. Максимилиан видел это по тому, как она сжимала перо, как хлопала дверьми, как цедила слова сквозь зубы. Она не привыкла проигрывать. Не привыкла отступать. Не привыкла, чтобы у неё что-то отнимали.

А сегодня пришёл документ о перенаправлении дела о контрабанде оружия под руководство его высочества Этера Блойме.

Того самого дела. Того, которое он начал распутывать. Того, в котором были замешаны генерал, купец, графиня Круэлла и ещё десяток имён, которые он ещё не успел проверить.

И вот теперь его забирали.

Максимилиан смотрел на бумагу в руках Иветт. Официальный бланк. Печать. Подпись. Всё как надо. Всё по закону. Всё правильно.

И от этого было только хуже.

— Нет, так дело не пойдёт!

Иветт была в ярости. Максимилиан видел её разной — холодной, насмешливой, невинной, опасной. Но такой — разъярённой, с горящими глазами, сжатыми кулаками — ещё не видел. Она цокала каблучками по мраморному полу, тащила Максимилиана за собой по коридору, не оборачиваясь. Служащие шарахались в стороны. Кто-то кланялся, кто-то просто провожал их взглядом.

— Госпожа Равилофт, может, объясните, что происходит? — спросил он на ходу.

Она не ответила. Только ускорила шаг.

Дверь в кабинет Эндрю распахнулась без стука. Принц сидел за своим столом, читая книгу. В очках. Выглядел он до неприличия спокойным — будто не слышал ни топота каблучков, ни яростного сопения Иветт.

— Ваше высочество, дайте мне разрешение, — выпалила она с порога.

Максимилиан поразился её бестактности. Ворваться к наследному принцу без доклада, без приветствия, без всякого почтения. И при этом — требовать. Не просить. Требовать. Словно она была здесь не подчинённой, а равной. Или — словно у неё были причины, которые перевешивали любые правила этикета.

Эндрю перелистнул страницу. Даже не поднял глаз.

— Думаешь, пора?

Голос был ровным. Спокойным. Ни ноты раздражения. Ни тени удивления. Будто он ждал этого. Будто знал, что она ворвётся. И, возможно, знал, с чем.

— Да, ваше высочество, — сказала Иветт.

И вдруг перешла на другой язык. Резкий. Гортанный. Чужой. Максимилиан не понял ни слова. Но интонация была ясна: она что-то доказывала. Требовала. Настаивала.

— Он на вашей стороне и отлично знает, что с ним будет, если предаст.

— В крайнем случае ты знаешь, что делать, — ответил Эндрю на том же чужом языке.

Максимилиан затаил дыхание. Он не знал, что они сказали.

Иветт кивнула. Коротко. Мужчина переводил взгляд с неё на Эндрю и обратно. В груди поднималось что-то холодное. Не страх. Предчувствие.

— Что ж... И вправду. Братец быстро всполошился. — Эндрю улыбнулся коротко, без веселья, вернувшись на понятный язык. Потом выдохнул и закрыл книгу. — Халгрейм, присядьте.

Максимилиан сел на диван. Иветт осталась стоять — скрестив руки, смотря в окно. Она всё ещё злилась. По-детски. И Максимилиан отметил про себя: неужто это и есть настоящая Иветт? Просто девушка, которая разозлилась и не может этого скрыть?

— Наша мышка, — он посмотрел на Иветт, — до вашего прихода втайне занималась одним занятным делом, сейчас пришло время продолжить.

— Делом? — переспросил Максимилиан.

— Вспоминайте, Максимилиан, — Иветт повернулась к нему. Она всё ещё была раздражена, но теперь более собранна. Голос ровный, взгляд острый. — Вы ехали...

Парень сразу понял о чём она. Поезд. Вагон-ресторан. Чай. Девушка напротив.

— Пару месяцев назад нам в руки попал старый документ моего отца, — продолжил Эндрю. — Точнее, его письмо нынешнему императору. Ознакомьтесь.

Он протянул Максимилиану потемневший лист. Тот был помят — не так, как обычно мнут бумагу при чтении, а хаотично, в местах, не свойственных обычной переписке. Голубиная почта? Такими методами обычно пользовались для сокрытия информации от посторонних глаз. Халгрейм поднял взгляд на принца. По его лицу было понятно: переписка с большей вероятностью и вправду была тайной. Теперь понятно, почему этим письмом заинтересовался принц. Чернила выцвели, но буквы ещё читались — ровные, уверенные, написанные рукой человека, привыкшего к власти.

«Я понимаю, что вы обеспокоены нынешней ситуацией на фронте, дорогой брат. Но они люди. Они живые люди, пусть и отличаются от нас. Там дети, женщины. Я ни за что в здравом уме не посмею использовать их как разменный материал. Нам хватит сил отстоять. Поэтому прошу, будьте благоразумны и сделайте вид, что вы вовсе даже не задумывались о таком. Вы отец, как и я в скором времени.

Ваш брат, Элиус».

Максимилиан перечитал письмо дважды. Потом ещё раз. Слова не менялись. Они были простыми, человеческими.

— После этого вы узнали, что у почившего императора был ребёнок? — спросил он, поднимая глаза.

— Вы правы, — Эндрю кивнул. — Мы начали искать примерное время тех событий. На тот момент боевой настрой войск был на пределе из-за потери важной башни. Значит, Этеру было четыре года. А я ещё не был рождён. Я подумал тогда: а вдруг...

Он выдохнул. Не договорил. Но Максимилиан понял.

— Тогда мы подключили нашего информатора, — продолжила Иветт, — и быстро вышли на то, что у бывшей императрицы, которая умерла при загадочных обстоятельствах от горя после потери мужа, была служанка. С которой она вела продолжительную переписку.

— Тичертон? — Максимилиан вспомнил название деревушки. Той самой, откуда шёл поезд. Той самой, где он сел в вагон и впервые встретил Иветт.

— Именно, — подтвердил Эндрю.

— Когда я отправил Иветт в ту деревню, — Эндрю говорил ровно, без эмоций, но Максимилиан видел, как напряглись его плечи, — оказалось, что служанка была мертва. С тех пор как умерла моя мать.

Принц сжал кулак. Костяшки побелели.

— Но тогда я всё же обнаружила переписку, — продолжила Иветт. — В которой было ясно сказано, что сына зовут Эндрю Блойме. Хотя до этого мы уже были уверены в истинном происхождении его высочества.

— Нужны были весомые доказательства? — договорил Максимилиан.

Иветт кивнула.

— Но чем примечательно это дело... — Эндрю разжал кулак и посмотрел на свои руки. — В той переписке упоминалось, что мой отец и нынешний император в последние годы были не в ладах. Что можно увидеть и в этом письме.

Максимилиан снова посмотрел на лист.

— Хотите сказать, что он может быть причастен к смерти Элиуса и Феронии Блойме?

— Да, — Иветт смотрела на него в упор. Взгляд был пугающим. Не злым. Не жестоким. Просто холодным. Максимилиан согнулся, оперев лоб на руки. Это казалось пугающим. Но правдивым. Слишком правдивым. Слишком логичным. Слишком многое вставало на свои места. Как будто он всю жизнь смотрел на картину с расстояния — и только сейчас подошёл ближе. И увидел мазки. И понял, что за красивым фасадом скрывалось всё это время.

Нынешний император Экберт. Младший брат Элиуса.

Он сидел на этом троне девятнадцать лет. И всё это время он сидел на троне, который он занял, убив собственного брата.

Максимилиан сжал пальцы. Ногти впились в кожу лба. Он не чувствовал боли. Он вообще ничего не чувствовал. Только холод. Медленный, тягучий холод, который поднимался откуда-то изнутри и растекался по венам. Экберт — убийца, чью коронацию он видел в детстве. Если Эндрю прав. Если письма не лгут. Если всё это — не чудовищная ошибка, не совпадение, не случайность. Если это правда, то Экберт убил своего брата. Своего родного брата. И его жену. И забрал их сына. И вырастил его как своего. Как пса на цепи. Как инструмент. И его родной сын, Этер, считается законным наследником. Кронпринц. Первый в очереди. Тот, кто должен занять трон после отца. Тот, кто никогда не узнает, что его отец — убийца. Или..?

Максимилиан поднял голову. Посмотрел на Эндрю. Тот сидел спокойно. Смотрел на него. Ждал. Он знал. Халгрейм попытался представить, каково это. Узнать, что человек, которого ты называешь отцом, убил твоих родителей.

— Я так понимаю, нужны доказательства причастности его величества? — Максимилиан поднял голову. Он смотрел на сидящих рядом собранным взглядом. И даже усмехнулся. То ли от страха, то ли от предвкушения чего-то поистине леденящего душу.

Эндрю посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом улыбнулся — коротко, одобрительно.

— Именно, — сказал он. — Графиня Равилофт, изложите нашему союзнику все карты на стол.

Иветт поправила волосы. Медленным, привычным жестом — будто собиралась с мыслями. И снова стала пугающе спокойной. Но что-то в ней изменилось. Максимилиан видел это по тому, как она сидела — чуть прямее обычного. Как держала руки — сжатыми на коленях. Как смотрела — не на него, а куда-то в сторону, на тёмное окно.

— Поскольку данное дело секретно, — начала она, — я не веду записей. Лишь вещественные доказательства могут оставаться в сохранности.

Максимилиан кивнул. Он прекрасно понимал: утечка информации станет непоправимой опасностью для его высочества. Одно неосторожное слово, одна бумага не в тех руках — и всё рухнет. Не только их план. Не только их жизни. Всё. Иветт помолчала, потом посмотрела на него.

— В письмах покойной Феронии Блойме упоминаются ещё другие имена. Фреон Ройер. Лилиен. И... — она запнулась. Всего на секунду. — Ваш отец. Герцог Халгрейм.

Юный полицейский притих.

— Отец?

Слово повисло в воздухе. Он знал, что отец замешан во многом. Знал, что он грязный человек. Но видеть его имя здесь — в письмах мёртвой императрицы, в деле о возможном убийстве императора и его жены — это было другое. Это было хуже.

— Как я и говорил, — Эндрю облокотился на спинку стула, — я дам вам разрешение на расследование против герцога, я уже поручил Леону найти что-то интересное про него. Помимо того, что знаю я. Но пока у меня нет оснований официально открыть дело против такой влиятельной фигуры.

— Тогда каковы ваши поручения? — спросил Максимилиан. Голос звучал ровно, но внутри всё сжалось.

— Вы что-то слышали до этого об участившихся пропажах людей? — Иветт поправила прядь волос.

— Это не новость для любого участка полиции, — ответил Максимилиан. — Кто-то бежал, кто-то умер, кто-то перебрал. Но такие дела редко связывают друг с другом. Лишь пару были связаны — из-за серийника. Остальные закрывались быстро.

— А для работорговли слишком страно — разбросанные пропажи по империи. Не ску-
ченные. И пропадают не только низшие сословия. Также знать и высшая аристократия. —
Иветт закончила мысль. — Что не характерно для таких преступлений.

— Да. Но раз вы спросили, значит?..

— Поймали. — Принц довольно улыбнулся и растянул руки.

Максимилиан нахмурился.

— Процент пропаж вырос с момента коронации солнца империи? — спросил он. — Не
находите это странным? Учитывая смерть моего отца. Письмо со спором о каких-то людях,
которых хотел использовать мой дядя... Но что более забавно... — Эндрю кивнул в сторону
Иветт.

— Фреон Ройер, — сказала она. — Мой двоюродный дядя по маминной линии. Учёный
до кончиков ногтей. Был заикой со странными привычками, гении всегда были не от мира сего.
По словам матушки, жил в библиотеке при дворце и работал на империю. Но пропал за пару
дней до смерти бывшего императора и считается мёртвым с тех пор.

Максимилиан посмотрел на неё. Двадцать лет.

— Когда два события совпали — это кажется странным совпадением, — медленно про-
говорил он. — Но когда их больше... Теперь я понимаю, о чём вы. Постараюсь сделать всё,
что в моих силах.

— Ступайте, — принц поднялся и вежливо указал на выход. — Вы и так утомились.
Отдыхайте. Мне нужен ваш ум в полном здравии.

Глава 9

Как только они вышли в коридор, девушка потянулась. Плечи развернулись, руки поднялись над головой. Она устала. Максимилиан видел это. Впервые за всё время — устала по-настоящему.

— Будьте готовы завтра рано утром, — сказала она, опуская руки. — Нас ждёт долгий путь.

— Куда? — Максимилиан уже привык к её спонтанности.

— Вам вновь придётся побыть моим очаровательным старшим братом. — Иветт хитро сощурила глаза. — Нас проведут на аукцион госпожи Круэллы.

— Что?! Зачем?! Когда вы...

— Успела? — Она пожала плечами. — Я всё же сходила на то чаепитие. В образе Джессики. — Девушка всмотрелась в лицо полицейского. — Ха-ха-ха, Максимилиан, мне так нравится видеть вас удивлённым.

— Просто вы противоречивы, госпожа. — Максимилиан уже чувствовал, как дёргается его глаз.

— Я просто зашла в тупик. И мне нужны новые фигуры. Наше новое дело требует поднять со дна столько информации, что представить страшно, сколько могил придётся вскрыть.

— Великая Иветт Равилофт рассказала о чём-то таком? Вы точно та самая графиня? — усмехнулся Халгрейм, ему казалось, что правая рука наследного принца из тех гордецов, которые не умею признавать поражение или свои недостатки.

— Хотите проверить?

Девушка поставила руку около его головы, прижав его к стене. Максимилиан застыл. Она была близко. Слишком близко.

— Всё-таки вы ещё зелёный, — сказала она. — Чем быстрее вы замечаете свои недостатки, тем быстрее адаптируетесь и совершенствуетесь.

Максимилиану показалось на секунду, что ощутил, будто его волосы наэлектризовались. Но взгляд графини вдруг стал задумчивым. Она смотрела на него долго, так и не отойдя. Будто высматривала что-то. Что-то, что искала давно. Или что-то, что только сейчас заметила.

Он снова смутился. Уши загорелись. Он не знал куда смотреть. Только чувствовал, как сердце бьётся где-то в горле.

— Леди Равилофт, не могли бы вы...?

— Конечно. — Девушка моргнула, будто выйдя из транса.

Она отстранилась. Без тени смущения. Но тихая. Всё ещё задумчивая. Пошла дальше по коридору — будто ничего и не было. Будто она не прижимала его к стене. Будто не смотрела на него так, будто пыталась что-то понять.

Максимилиан остался стоять.

С бешено бьющимся сердцем. С горящими ушами. С мыслями, которые разбегались, как тараканы от света. Всё-таки он был молодым парнем. А она — симпатичной девушкой. И то, как она стояла — близко, слишком близко, — и то, как смотрела — внимательно, слишком внимательно, — не способствовало ясности ума.

Он откашлялся. Проморгался. И поспешил за графиней.

— Подождите.

Он окликнул девушку. Равилофт остановилась. Овернулась. Свет падал на её лицо, и в этом свете она казалась мягче.

— Что-то вы медлительны, — сказала она. — Неужто возраст берёт своё?

Шутка. Лукавый взгляд. Она снова играла. Или — пыталась играть. Но что-то в ней осталось от той, задумчивой, что смотрела на него у стены.

— Хотя я и старше вас, — Максимилиан нагнал её, и они пошли вместе, — но я вовсе не стар.

— Вы хотели у меня что-то спросить. Спрашивайте. Я наконец-то в добром расположении духа.

Он помолчал. Собираясь с мыслями. Вопрос вертелся на языке с того самого момента, как принц произнёс это имя.

— Почему ваш пропавший двоюродный дядя имеет столь большой вес в этом деле?

Иветт не ответила сразу. Они шли по коридору — мимо закрытых дверей, мимо портретов, мимо окон. Шаги звучали гулко, отскакивая от мраморного пола. Она смотрела вперёд.

— Я его никогда не знала — пропал до моего рождения, — сказала она наконец. — И наша семья может сказать лишь, что он был скрытным. Из-за службы при дворце. Человек с амбициями. Он был молод и при этом близок с бывшим императором Элиусом.

Максимилиан слушал внимательно. Каждое слово. Каждую паузу.

— Во дворце остались его некоторые записи, — продолжила Иветт. — Но к ним доступ есть только у императора. Наверное, поэтому...

Она не договорила. Зевнула. Максимилиан видел, как устала она на самом деле. Как много держала на своих плечах.

— В любом случае, чтобы узнать что-то...

— Узнать всегда могу что-то я. — Голос раздался из угла.

Максимилиан вздрогнул. Обернулся. Из тени у стены — там, где только что никого не было, — вынырнул Леон. Юноша шёл к ним быстрым, уверенным шагом. Очки поблёскивали в свете ламп. В руках — папка, прижатая к груди. Вид у него был деловой, собранный, будто он только что вернулся с важного задания.

— Доброго вам вечера, — сказал он, останавливаясь рядом.

Иветт не удивилась. Даже не обернулась. Будто знала, что он здесь. Будто ждала его.

Максимилиан переводил взгляд с одного на другого. Юноша, который появлялся из ниоткуда. Девушка, которая знала всё. И он между ними — с вопросами, на которые не было ответов.

— Направляешься к его высочеству? — спросила Иветт.

— Да, — Леон кивнул.

— Порадуешь меня? — Юная леди выглядела словно лисица. — Ты принёс мне то, что я запросила на днях?

— Есть проблема... — Лавел растерялся, и глаза его нервно забегали.

Он поправил очки — быстрым, привычным жестом. Папка в его руках чуть задрожала. Максимилиан видел: мальчишка напуган. Не сильно. Но достаточно, чтобы выдавать себя с головой.

— О чём вы? — Халгрейму надоело вечно оставаться третьим лишним, ничего не понимающим.

— Гости на аукционе, — ответила Иветт, не сводя глаз с Леона. — Я просила узнать их заранее, чтобы подготовиться и найти интересные сведения.

Она сложила руки на груди. Явно недовольная. Но не злая — скорее разочарованная. Как учительница, которая знает, что ученик способен на большее, но не сделал.

— Госпожа... простите... — Юнец мешкался. Переступал с ноги на ногу. Смотрел куда угодно, только не на неё.

— Что ж, — Максимилиан выдохнул. — Придётся действовать своими силами.

— Хотите по-старинке?

Иветт наконец перевела взгляд на него. В её глазах мелькнул интерес — острый, любопытный.

— А вы во мне сомневаетесь? — Максимилиан чуть усмехнулся. — Раньше только так и справлялся.

— Надеюсь, не разочаруете. — Она снова посмотрела на Леона. Коротко. Сухо. — А ты иди. Его высочество наверняка ждёт.

Юноша удалился. Быстро — почти бегом. Двоица продолжила путь.

— Не думаете, что слишком много скидываете на этого пятнадцатилетнего юношу? — спросил Максимилиан, когда они свернули в боковой коридор.

— Ему четырнадцать, — ответила Иветт ровно. — Думаете, слишком строга?

Максимилиан поперхнулся.

Этому — четырнадцать? И он вытворяет такое? Тот самый мальчишка в очках, с вечно сползающим жилетом, с папками и досье, с информацией, которая стоит дороже золота. Тот, кто в одиночку собирает сведения по всей империи. Тот, кто появляется из тени, как призрак, и исчезает, как дым. Четырнадцать.

— Он же совсем юн, конечно! — вырвалось у Максимилиана.

— Тем не менее, он моё доверенное лицо, — Иветт говорила спокойно, без эмоций. — А значит, и врагов у него достаточно. Быть полезным для меня и его высочества для него означает выживание. Даже с риском.

Она улыбнулась — коротко, без веселья. Так улыбаются люди, которые давно перестали удивляться жестокости мира.

— Хотя не так переживайте, — добавила она. — Вы в вашем возрасте позеленее будете. Максимилиан открыл рот, чтобы возразить. Но не успел.

Иветт ловким движением сняла с его головы фуражку — он даже не заметил, когда она успела её взять. Надела на себя, сдвинула набок и, усмехнувшись, поспешила вперёд.

— Эй! — крикнул он вслед. — Это вообще-то казённое имущество!

— Догоняйте, подпоручик! — бросила она через плечо, не оборачиваясь. — Или вы и вправду постарели?

Максимилиан покачал головой. В груди неприятно сжимало. Или приятно? Он пошёл следом.

— Вы само... — Халгрейм не договорил.

— Очарование? Спасибо. Знаю. — Она улыбнулась.

— Бесстыдство, — парень всё же договорил свою мысль.

— И об этом тоже знаю. Спасибо. Доброй ночи.

К тому времени они уже дошли до другой части особняка. Коридор разветвлялся: налево — к его комнате, направо — к её. Ему нужно было идти. Но он медлил. Стоял и смотрел на неё. На девушку, которая только что назвала себя бесстыдной — и даже не покривила душой.

— Лучше не проспите с утра, — сказала она, делая шаг в сторону своего коридора. — А то...

— Снова обольёте меня водой? — Подпоручик усмехнулся.

— Я никогда не повторяюсь. Так что узнаете лишь в том случае, если проспите. Но, по секрету скажу, советую этого не делать.

Она ушла. Грациозно махнув волосами. Так и не вернув фуражку. Каблуки простучали по мраморному полу — быстро, легко, уверенно. И стихли за поворотом.

Максимилиан остался стоять. В пустом коридоре. С лампой, гудевшей под потолком. С мыслями, которые не желали укладываться в порядок.

— Сумасшедшая девушка, — прошептал он ей вслед.

Он постоял ещё секунду. Потом развернулся и пошёл к своей комнате. Усталый. Сбитый с толку. Но с улыбкой, которую сам не замечал.

Глава 10

Они стояли перед входом в ветхое здание.

Плащи. Маски. Парики чёрного цвета. Иветт Равилофт и Максимилиан Халгрейм — брат и сестра Флад, снова в игре. Но сегодня под плащами скрывались не скромные наряды провинциалов, а нечто иное. Что-то, что должно было соответствовать месту. Что-то, что должно было растворить их среди тех, кто пришёл сюда.

Ветхое здание. Облупившаяся краска. Тёмные окна. Ни вывески, ни охраны, ни намёка на то, что внутри может быть что-то, кроме запустения. Но у входа стояли двое — молчаливые, неподвижные, как статуи. Они не спрашивали имён. Только смотрели на маски. И пропускали.

Псевдо-брат и сестра зашли внутрь.

Их направили глубже. По тёмной лестнице, вниз, под землю. Каменные ступени, сырые стены, запах земли и старого дерева. Шаги отдавались эхом. И под полами их встретила роскошь империи.

Огромное пространство — прямо под тем непримечательным домом. Гигантские люстры, усыпанные свечами и хрусталём, заливали зал тёплым, дрожащим светом. Входной зал, сравнимый с балным залом при дворце, — настолько он был велик. Мраморные колонны, зеркала в золочёных рамах, ковры с замысловатым узором. Пахло воском, духами и деньгами. Очень большими деньгами. У входа дворецкие встречали гостей в масках. Забирали плащи. Указывали дальнейший путь.

Иветт сняла плащ. Максимилиан не видел её образа до входа. Теперь — увидел. И обомлел.

Даже сейчас — под прикрытием, в маске, в парике — она была восхитительна. Роскошное пышное платье цвета морской глубины — тёмно-синее, с переходом в почти чёрный у подола, — струилось до самого пола. Открытые плечи, тонкие ключицы, бледная кожа, на которой играли блики люстр. Украшения — изящные, но явно баснословно дорогие: серьги с сапфирами, ожерелье с мелкими бриллиантами, браслет на запястье. Маска — в цвет платья с чёрной отделкой. Сам бывший герцог был разодет не менее роскошно. Тёмно-синий сюртук с серебряной вышивкой, белоснежная рубашка, галстук с сапфировой булавкой и такие же запонки. Маска — чёрная, простая, без украшений. Под стать «старшему брату» — сдержанному, но явно не бедному. Подстать своей ненастоящей сестре.

— Графиня! — воскликнула Иветт.

Максимилиан проследил за её взглядом. К ним направлялась Круэлла. Та самая графиня Дорианна Круэлла ван де Хессен Грандес. В тёплом, но величественном наряде — винно-красное платье, брошь на груди. Маска — золотая, с кружевной отделкой. Она плыла по залу, как хозяйка. Или как королева.

— Как я рада, что вы всё-таки приняли моё приглашение, — сказала она, останавливаясь перед ними. — Сегодняшние лоты вас не разочаруют.

Она перевела взгляд на Максимилиана. Осмотрела его — сверху вниз, медленно.

— А вы... — она чуть склонила голову, — украсьте ваше сокровище ещё больше. Хороший брат — редкость.

Женщина удалилась — приветствовать других гостей. Оставив этих двоих посреди зала. Среди толпы в масках. Среди шёпота и смеха. Среди людей, которые пришли сюда за чем-то, что нельзя купить в обычном магазине.

— И какой план? — прошептал Максимилиан, натянуто улыбаясь своей «недо-сестрёнке».

— Наблюдайте, — ответила Иветт, не поворачивая головы. — Вы же это любите. Анализировать людей.

— Ну, как минимум кое-что я уже заметил.

— Что же?

Она выгнула бровь. Под маской этого видно не было. Но Максимилиан знал — она это делает.

— Одна юная леди выглядит прекрасно в этом платье.

Иветт помолчала. Секунду. Две.

— Работайте лучше, — сказала она наконец.

Халгрейм усмехнулся. Они прошли дальше. Чуть глубже был проход в закрытое пространство с сиденьями — словно театр. Ряды кресел, обитых бархатом, поднимались амфитеатром. А посередине — сцена. Пока пустая. Освещённая. Ждущая.. Пара заняла свои места. И продолжили наблюдать за толпой различных богатеев.

Максимилиан смотрел. И запоминал. Вон там — мужчина в маске из чёрного бархата, с перстнем на указательном пальце. Слишком крупный камень. Слишком дорогой. Либо купец, либо вор. Вон там — женщина в серебряной маске, с веером из перьев. Слишком много украшений. Слишком громкий смех. Либо аристократка, либо хочет ею казаться. Вон там — двое в одинаковых масках, стоящие слишком близко. Братья? Любовники? Сообщники?

Иветт сидела рядом. Спокойная. Собранная. Она смотрела на сцену, но Максимилиан видел: она видит всё. Каждого. Каждую маску. Каждое движение. Каждую деталь.

— Что мы ищем? — тихо спросил он.

— Того, кто купит не то, что нужно, — ответила она. — Или того, кто продаст.

Она замолчала. И Максимилиан притих. Они ждали, когда начнётся аукцион. Зал постепенно наполнялся. Люди входили, здоровались, занимали места. Официанты в масках разносили шампанское в тонких бокалах.

Наконец зал наполнился людьми — не было ни одного пустого места. Максимилиан окинул взглядом амфитеатр: маски, маски, маски. Чёрные, золотые, серебряные, бархатные, кружевные. Кто-то в перьях, кто-то в камнях, кто-то в простых полумасках. На сцену вышел мужчина. Скромный костюм. Скромная чёрная маска. Ни украшений, ни вышивки, ни броши. Он выделялся на фоне толпы — и именно этим привлекал внимание. Максимилиан отметил: видимо, сделано нарочно. Чтобы не перенимать внимание с лотов. Чтобы все смотрели не на него, а на то, что он выносит.

Ненадолго парень задумался: что же искали все эти господа у Круэллы, славящейся любовью к изыскам? Драгоценности? Видимо, они. Но что в них было такого? Халгрейм не знал ювелирного дела. Не мог оценить огранку, чистоту камня, качество золота. Но хорошо разбирался в людях.

Люди — поверхностные создания. Их заботит не то, что внутри. Они любят обёртку. В нашем случае — историю. Вот украшение кажется обычным, за чрезмерную стоимость, когда вокруг него только описание: материал, вставка, вес. Но, допустим, утерянное фамильное украшение какой-нибудь известной мадам Х — звучит куда интереснее. Вот толстосумы и утешают свои глупые траты такими сказками.

Хотя здесь... здесь всё было иначе. Все в предвкушении. Словно в игорном доме. Никто не знает, чем закончится этот аукцион и сколько сумм потратят. А богатеям вроде них это кажется развлечением. Игрой. Спортом. Способом доказать, что ты можешь больше, чем сосед.

Сначала вынесли на удивление посуду. Фарфор. Тонкий, полупрозрачный, с едва заметным рисунком. Максимилиан слышал краем уха: «из личной коллекции». Но для него это был просто фарфор. Красивый, да. Дорогой, наверное. Но не настолько, чтобы за него драться.

А дрались. За него борьба стала жуткой. Один за другим люди повышали цену. Руки взлетали вверх, пальцы указывали, голоса — приглушённые масками, но настойчивые — называли суммы. Пятьсот. Восемьсот. Тысяча. Две. Три. Максимилиан смотрел на это и не понимал. Это же просто чашки. Тарелки. Блюдца.

Пока какой-то полный мужчина лет сорока — маска из чёрного бархата, перстень на указательном пальце, — своим скрипучим голосом не назвал сумму в десять тысяч золотых.

Зал затих. Максимилиан поглядел издалека на победителя — или всё же проигравшего? Тот потратил сумму явно выше желаемой, но всё равно остался доволен. Сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на остальных с выражением: найдите своё место. Вот такой у него был взгляд. Даже под маской это читалось. Самодовольство. Превосходство. Упоение собственной щедростью.

Но окружающие всё равно приняли его. Кивнули. Поаплодировали. И так было ясно: такие траты на первый лот — смех да и только. Разминка. Проба сил. Настоящее начнётся потом.

Иветт высматривала людей. Она не смотрела на сцену. Не смотрела на лоты. Её глаза — рубиновые, яркие даже под маской — скользили по залу. По ложам. По рядам. По лицам. По маскам. Она что-то искала. Или кого-то выжидала. Юная леди даже не заинтересована в том, что выносили на сцену.

Через пару лотов стала понятна иерархия торгов. Минимальная цена объявлялась заранее. Кто-то в надежде пытался выкупить, поднимая ставки. Но видимо, были и подставные люди. Они слегка повышали цену — будто соревнуясь, будто подогревая интерес. Максимилиан заметил это быстро. Ведь это были одни и те же маски. Одни и те же фигуры. Одни и те же жесты.

Чёрная маска с серебряной нитью. Поднимала цену на фарфор. Потом на картину. Потом на статуэтку. Всегда чуть-чуть. Всегда недостаточно, чтобы выиграть. Всегда достаточно, чтобы подогреть. Золотая маска с кружевом. Поднимала на украшения. На геммы. На перстни. Та же тактика. Те же движения.

Максимилиан смотрел на них и запоминал. Лиц он не видел. Но фигуры, рост, осанку, манеру держать руки — всё это он откладывал в памяти.

— Вам забавно? — тихо спросила Иветт, не поворачивая головы.

— Отчасти, — ответил он. — Обычные схемы.

— Хорошо. — Она чуть улыбнулась. — Значит, вы не так безнадёжны, как кажется.

— А вы не так беспечны, как хотите казаться.

Она не ответила. Только чуть склонила голову — то ли в знак согласия, то ли в знак того, что разговор окончен. И снова принялась высматривать зал. А на сцену уже выносили следующий лот.

Максимилиан смотрел на очередное украшение — кольцо с крупным изумрудом, — но не видел его. Внутри что-то ныло. Предчувствие. Тихо, глухо, где-то под рёбрами. Как заноза, которую не вытащили. Он не понимал, откуда это. Просто чувствовал — и всё. Словно воздух в зале стал тяжелее.

— Брат, — прошептала Иветт.

Голос был тихим. Ровным. Но Максимилиан услышал в нём то, чего не слышал раньше. Напряжение. Нет. Ужас.

— Не двигайтесь, ведите себя также, как и вели до этого.

Мышцы напряглись сами собой. Руки легли на подлокотники. Спина выпрямилась.

— Мы меняем план.

Глава 11

Максимилиан окинул взглядом зал. Всё казалось обычным. Люди в масках. Свечи в люстрах. Шампанское в тонких бокалах. Подставные фигуры, поднимающие цены. Ведущий в скромном костюме. Ничего не изменилось. Ничего не выдавало тревоги, которая только что прозвучала в голосе Иветт. Но что-то было не так. Что-то, чего он не видел. Что-то, что она увидела. Он задумался, что могло послужить такой реакции. Глаза его на секунду распахнулись. Он слегка покосился на Иветт. Что было в этом украшении такого?

На сцене лежало кольцо. Простое, на первый взгляд. Обычное изделие. Очередной лот. Халгрейм не понимал. Не видел ценности. Но Иветт — видела. И то, что она видела, заставило её замереть.

Губы Иветт дрогнули. Нерешительность. Он видел её сомнения, будто от них зависела их жизнь. Даже в кабинете принца, даже когда она говорила о мёртвой служанке, даже когда решалась его судьба — она не колебалась так. А сейчас — дрожала. Руки дрожали. Пальцы сжимали подлокотник кресла так, что побелели костяшки.

— Двадцать тысяч золотых, — произнесла она.

Громко. Отчётливо. Так, чтобы слышал весь зал. Но голос — чуть выше обычного. Чуть напряжённее. Максимилиан услышал это. И, кажется, не только он.

Зал на секунду затих. Люди в масках повернулись в их сторону. Кто-то перешёл на шёпот. Кто-то поднял бокал, скрывая улыбку.

— Невероятная леди в синем платье. Раз, — ведущий чуть склонил голову, принимая ставку.

— Тридцать тысяч, — выкликнула дама у входа.

Она была одета скромно. Странно для такого места. Подставная? Нет. Слишком большая разница в цене. Но она вовсе не выглядела богачкой. Тёмно-серое платье, простая маска, никаких украшений. Но голос — твёрдый. Максимилиан отметил её.

— Тридцать пять тысяч, — Иветт перекрикнула её сразу же.

Бывший герцог не удержался и с распахнутыми глазами смотрел на свою поддельную сестрёнку. Новая загадка. Но Иветт уже поднялась. Не колебаясь. Не раздумывая. Плечи развёрнуты, подбородок поднят, кулаки сжаты — не от страха, от решимости. Она смотрела на сцену так, будто видела там не кольцо, а что-то другое. Что-то, за что стоило бороться.

— Тридцать пять ты... — Ведущий не успел договорить.

— Сто тысяч золотых.

Женщина у входа назвала сумму. Ровно. Спокойно. Как будто говорила о погоде. Как будто сто тысяч — это не состояние. Просто цифра.

Зал ахнул. Кто-то выронил бокал. Кто-то схватился за сердце. Кто-то подался вперёд, вглядываясь в женщину. Сто тысяч. За кольцо с зелёным камушком.

— Батюшки... Сто тысяч золотых. Раз. Сто тысяч золотых. Два.

Максимилиан смотрел на Иветт. Она стояла. Кулаки сжаты. Платье смято в пальцах. Губы дрожат. Глаза — на сцене. На кольцо.

— Сто одна тысяча золотых.

Зал замер. Графиня испуганно зыркнула на даму у входа. Сглотнула. Посмотрела на украшение будто на человека, которого считали мертвым, а он оказался цел и невредим.

— Сто одна тысяча золотых. Раз. Два. Три.

Ведущий указал на Иветт. Молоток опустился. И в наступившей тишине её имя — или то, что она назвала вместо имени — прозвучало как приговор.

— Колье уходит девушке в чарующем синем платье.

Максимилиан сидел, не в силах пошевелиться. Он смотрел на Иветт, которая медленно опускалась обратно в кресло. На её руки, которые всё ещё дрожали. На её лицо, которое снова стало спокойным — но каким-то пустым. Выжатым. Как у человека, который только что переплыл океан.

Сто одна тысяча золотых. Принц им просто головы открутит, когда узнает. За такие деньги можно было купить поместье. Дом в столице. Целый участок. Армию. А она купила кольцо. Максимилиан сглотнул. Наклонился к ней. Ближе, чем позволяли приличия. Так, чтобы слышала только она.

— Объясните? — прошептал он с нервной улыбкой.

— Скажите, что вы запомнили ту даму, которая со мной торговалась, — девушка сверкнула взглядом, отражающим испуг.

— Мы следуем за ней? — Халгрейм всё ещё пребывал в шоке от действий графини, но всё же собрался. Если она так сделала, значит, были причины. О которых он опять не знал. Это стало раздражать. Немного. Но стало.

— Будьте осторожны, — Иветт встала с места и направилась к выходу.

Это не вызвало подозрений у публики — ведь скорее всего она лишь пришла забрать что-то конкретное и удалилась. Полицейский последовал следом, сопровождая сестру.

Они вышли из зала. За его пределами почти не было людей — лишь те, кто общался снаружи, непринуждённо ведя светские беседы. Смех, звон бокалов, обрывки фраз о ценах и редкостях. Никто не обращал на них внимания.

— Мы ищем ту леди, — голос звучал тихо, но строго и настороженно.

— Меня вовсе не нужно искать, моя дорогая.

Женщина подошла сзади. Будто выжидала эту пару специально. Будто знала, что они выйдут. Будто знала, что будут искать.

— Поздравляю с приобретением чего-то поистине ценного.

Максимилиан обернулся. Та самая дама у входа. Вблизи она выглядела старше — морщины у губ, седина у висков, но глаза... Глаза были молодые. Острые. Живые. И смотрели они прямо на Иветт. Не на него. На неё.

— Благодарю, — ответил бывший герцог ровно. — Моя сестра большой ценитель подобных вещей. Жаль, я совершенно профан и не разбираюсь в таком.

Максимилиан сразу же вошёл в образ доброго братца. Улыбка, лёгкий поклон, вежливый тон. Ни тени напряжения. Ни следа мысли.

— Значит, ваша дорогая сестра — одна из тех немногих, кто видит истинную ценность таких вещей.

Женщина окинула Иветт взглядом. Долгим. Будто скрывала определённый смысл под этими словами. Максимилиан незаметно взглянул на Равилофт. Та была будто наготове. Руки скрыты за спиной — явно прятала там маленькое оружие. Плечи напряжены. Подбородок чуть опущен. Она была настроена враждебно. Эта женщина опасна?

— Голубушка, я вовсе вам не враг, — леди ухмыльнулась. — Скорее вы та, кого я искала. Или я та, кто вам нужен. Не хотите пройти со мной в экипаж? Поговорим о том, о сём.

Иветт не ответила. Только чуть повернула голову — к Максимилиану. Короткий взгляд. Вопрос. Он кивнул едва заметно. Она снова посмотрела на женщину.

— После вас, — сказала она холодно.

Женщина улыбнулась шире. И пошла первой — к выходу, на улицу, где ждал экипаж. Максимилиан двинулся следом, чувствуя, как между лопатками собирается холодный пот. Он не знал, кто эта женщина. Не знал, что она хочет. Не знал, что за кольцо купила Иветт.

Глава 12

Максимилиан недоумевал, как всё так вышло. Сейчас они шли вместе — безумно дорогим колье с подпольного аукциона. Втроём. Он, графиня Равилофт и неизвестная дама. Халгрейм был насторожен. Как и юная леди рядом с ним. Но всё же они следовали за незнакомкой. Потому что выбора не было. Потому что эта женщина знала что-то — что-то важное, что-то, ради чего Иветт рискнула всем.

Карета без лакеев ждала их на улице. Тёмная, простая, без гербов. Ничем не примечательная. Именно такие сложнее найти.

Первой залезла странная дама. Устроилась на сиденье, поправила юбку и взглянула на двоицу. В её глазах — спокойствие.

— Ну что же вы? Нам бы лучше поторопиться, если не хотите лишних глаз.

Иветт сжала губы. Сняла маску с лица — резким, раздражённым движением. Не скрывая эмоций. Забралась в карету. Села напротив незнакомки. Скрестила руки. Взгляд — ледяной.

Максимилиан последний раз оглядел улицу. Старый мужчина в пальто подошёл к экипажу. Выглядел он как обычный водитель старой повозки — сторбленный, седой, с морщинистым лицом. Но двигался слишком уверенно для старика. Он воссел на место водителя и взглянул на Халгрейма. Будто намекая: поторопись.

Максимилиан залез внутрь. Дверца захлопнулась. Карета тронулась.

Женщина выдохнула. Сняла маску. Карие глаза смотрели спокойствием — глубоким, нерушимым, будто ей ничего не угрожало. Она поправила рыжие волосы, с проседью у висков, — и откинулась на спинку.

— Итак, кто же вы, господа?

Иветт сверлила её взглядом. Молчала. Не доверяла. Каждая линия её тела говорила: я не верю ни единому слову. Я жду. Я наблюдаю. Я готова.

— Иан и Джессика Флад, — Максимилиан взял инициативу. Улыбка — вежливая, лёгкая. Голос — ровный. Игра продолжалась. — А вы?

— Ай-яй-яй, молодой человек. — Женщина даже не дёрнула бровью. Только сощурила глаза. — Говорите правду. От неё многое зависит.

Максимилиан растерялся. На долю секунды. Но этого хватило.

Иветт наконец отмерла. И — засмеялась. Коротко. Без веселья. Она стянула парик — резким движением, будто срывала маску. Золотые волосы полились по плечам, заблестели в тусклом свете, проникающем сквозь шторы кареты.

— А вы проницательны, госпожа, — сказала она. — Думаю, теперь представляться нет нужды?

— А этот молодой человек с вами, видимо, Максимилиан Халгрейм? — Женщина перевела взгляд на него. — Рада знакомству. Но больше удивлена, что вы из этих.

— Этих? — Максимилиан выгнул бровь. Снял парик. Волосы упали на лоб — пепельно-белые, светлые. Он больше не прятался. — Что вы имеете в виду?

Вопрос был пропущен мимо ушей.

— Что нужно от меня его высочеству наследному принцу? — Женщина смотрела прямо на Иветт. Без страха. Как равная.

— Хотела бы я ответить, — Иветт скрестила руки. Голос — твёрдый, холодный. — Но для начала я хочу, чтобы вы официально назвались.

Женщина помолчала. Посмотрела на Иветт. Потом на Максимилиана. Потом снова на Иветт. Будто взвешивала. Будто решала. Будто выбирала — говорить или нет.

— Лилиен, — сказала она наконец. — Зовите меня так.

Максимилиан распахнул глаза. Лилиен. Это имя. Он слышал его. Совсем недавно. В кабинете принца. В письмах покойной императрицы. Лилиен. Одно из трёх имён. Фреон Ройер. Лилиен. И его отец. Герцог Халгрейм.

Он посмотрел на Иветт. Та не отвела взгляда от женщины. Но что-то в ней изменилось. Спина стала прямее. Пальцы сжались. Она знала. Знала, кого они встретят. Или — догадывалась. Или — надеялась.

— Что вы делали на аукционе? — спросил Максимилиан. Голос звучал ровно, но внутри всё сжалось. — Знали, что мы придём?

— Одна птичка напела, — Лилиен чуть улыбнулась. — Что принц узнал что-то очень важное. Был лишь вопрос времени, когда мы с вами увидимся. — Она посмотрела на Халгрейма. Долго. Внимательно.

— Какая ещё птичка? — Максимилиан подался вперёд. — Утечки невозможны.

— У меня свои методы, и не лезте в дела его высочества, там и без вас хлопот хватает, — женщина непринуждённо отклонилась на спинку кресла. Улыбнулась. — Так что же нужно этому мальчишке? Раз Эндрю Блойме разыскивает меня, то...

Карета катилась по ночным улицам. За окном мелькали огни — редкие, тусклые.

— Где то, что вы прячете, Лилиен? — Равилофт расслабилась. Плечи опустились, руки легли на колени. Она пыталась занять место хищника в этой беседе. Пока Максимилиан вновь был лишь побочным лицом этой истории, не понимая ничего. Они были в опасной ситуации — раз графиня вела себя на аукционе так, — а он до сих пор не ведал ничего. Это бесило. Но он молчал. Пока.

— Как вы и сказали, от правды зависит многое, — добавила Иветт.

— Большинство живы. — Женщина, чьё лицо до этого озаряло спокойствие, теперь казалась печальной. Будто старая рана вновь открылась. Будто она вспомнила что-то, что хотела забыть. — Что вы хотите с ними сделать?

— Говорю от слова Эндрю Блойме. Мы хотим помочь.

— С чего такая щедрость от людей члена императорской семьи? — Гнев сверкнул в глазах дамы. — Даю вам пару минут. Если ответ мне не понравится — вы больше ни за что нас не найдёте. А если попытаете преследовать...

— Вы нам угрожаете? — Максимилиан выгнул бровь.

Но ласковая рука легла на его плечо. Иветт. Она чуть сжала пальцы — успокаивающе, предупреждающе. Не сейчас. Не так.

— Господин Халгрейм, не беспокойтесь. Просто ждите. — Иветт выдохнула. Потом снова посмотрела на Лилиен. — У нас есть то, что нужно вам, у вас — то, что нам, взаимовыгодная сделка.

— С чего мне вам верить? — Женщина смотрела с опаской, но явно была заинтересована предложением.

— Просто поверьте. — Иветт аккуратно наклонилась. Будто искренняя старшая сестра говорит с младшей. Взяла даму за руки. И долго смотрела в глаза. Минута. Две.

Женщина, которую только что одолевали сомнения, распахнула глаза. Что-то мелькнуло в её взгляде — удивление? узнавание? — и тут же погасло. Она медленно кивнула.

— Что ж. Передайте принцу, что я свяжусь с вами в скором времени.

Ни с того ни с сего Лилиен просто взяла и согласилась.

Максимилиан привык к загадкам вокруг Иветт. К её маскам, к её тайнам, к её умению появляться и исчезать. Но это выходило из ряда вон. Только что женщина готова была вышвырнуть их из кареты — и вот уже соглашается. Без причин. Без объяснений. Просто потому, что Иветт посмотрела ей в глаза.

«Какого чёрта вообще происходит?»

Единственное, что заполняло разум ищейки.

Через некоторое время они прибыли к скромной улочке неподалёку от территории особняка принца. Карета удалилась — тихо, без скрипа колёс, будто её и не было. Оба направились в плащах к дому. Иветт шла впереди. Быстро. Уверенно. Не оборачиваясь.

Максимилиан не выдержал.

Он нагнал её. Схватил за руку. Остановил. Не больно — но достаточно, чтобы удержать. Чтобы она обернулась. Чтобы посмотрела на него.

— Вы мне объяснитесь. Сейчас. — Он выглядел озлобленным. По-настоящему. Впервые за всё время. Не растерянным, не смущённым, не удивлённым. Злым.

— Что вам объяснить? — Иветт была непоколебима. Стояла прямо. Смотрела спокойно.

Ветер пронёсся по улице, раздувая осенние листья. Всё больше напоминая о приходе октября. Холодного. Серого. Октября, который в книге должен был стать его последним.

— Какого чёрта сегодня произошло? Леди Равилофт, я имею полное право знать всё. — Глаза Максимилиана горели. Он устал быть слепым. Устал идти по краю, не зная, где пропасть.

— Ещё не время... Я не могу. — Иветт отвела взгляд. Аккуратно убрала его руку со своей. Медленно. Будто извиняясь. Будто ей было больно это делать.

— Это дело. Оно опасное. Но как тогда я смогу защитить себя и вас, если даже не знаю, куда подставить спину? — Он опустил взгляд. Голос стал тише. — Я устал ничего не понимать. Прошу.

Иветт остановилась. Она вернулась к нему. Медленно. Посмотрела в глаза. И в её взгляде было столько сочувствия, что Максимилиану стало не по себе. Не жалость. Понимание. Она знала, что он чувствует. Знала, каково это — идти в темноте.

— Вы скоро всё узнаете. Даю вам слово. Но я правда не могу...

— Не можете? Или снова испытываете, годен ли я для службы?

— Послушайте...

— Нет, это вы послушайте. Я не хочу умирать. А для этого мне нужно знать больше. — Он говорил тихо. Но каждое слово падало, как камень. Тяжело. Неотвратно.

Иветт молчала. Долго. Ветер трепал её волосы — золотые пряди выбились из-под плаща, блестели в свете редких фонарей. Она смотрела на него. И, кажется, решалась.

— Максимилиан. Нынешний император и его сын... натворили много грехов. Лилиен — одна из тех, кто им воспротивился. Я не знала, что мы встретим её так скоро. Не могла предположить. Думала, что мы найдём тех, кто поможет выйти на эту женщину. В конце концов, скрываться двадцать лет и скрывать других...

— Других? Опять вы не договариваете. То вы из каких-то «этих», то снова «эти», «те». Да про кого вы, чёрт возьми, говорите?

— Про подопытных людей. Которых использовал — и продолжает использовать...

Максимилиан отшатнулся. Ноги подкосились. Он сделал шаг назад, потом ещё один. Прислонился спиной к стене дома. Холодный камень сквозь плащ. Холодный воздух в лёгких. Холодная правда в словах.

Так те пропажи и вправду были связаны с императором.

Но для таких целей?

Он смотрел на Иветт. На девушку, которая стояла перед ним — хрупкая, молодая, красивая. И говорила о вещах, от которых стыла кровь. О людях, которых использовали. Как материал. Как расходник.

— Послушайте. — Иветт шагнула к нему. Ближе. Так, чтобы он слышал только её. — В ближайшее время вы поймёте больше. И я... — она задержала взгляд на его лице. Долго. Внимательно. Будто запоминала. — Обещаю, что буду рассказывать вам больше. Нет, я клянусь. Поэтому продолжайте мне верить. Как верили до сегодняшнего дня.

Максимилиан смотрел на неё. И понимал: она не врёт. Не сейчас. Не в этот раз. Может, она и играла всегда. Может, и скрывала. Но сейчас — нет.

Он выдохнул. Медленно. Через силу.
— Хорошо, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.